

ДЛЯ САМОЙ ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 54 (4179)

Суббота, 7 мая 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

ПЯТАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

«...Еще, кажется, на умоляли песни Первомайского праздника, еще звучат в ушах медь оркестров, переливы баянов на улицах, проспектах городов и сел, мы еще не можем расстаться с впечатлениями от чудесного парада, от яркой мощи демонстрации на Красной площади, а новое, сильное, радостное уже властно вошло в жизнь, стало самым волнующим событием, о котором будут много и, конечно, по-разному говорить люди всей планеты. Это новое разнеслось по земному шару из Большого Кремлевского дворца, где 5 мая открылась Пятая сессия Верховного Совета СССР. На повестке дня три вопроса:

- об отмене налогов с рабочих и служащих;
- о мероприятиях по завершению перевода в 1960 году всех рабочих и служащих на сокращенный рабочий день;
- об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.

Когда председательствующий предоставил слово для доклада Председателю Совета Министров СССР, Первому секретарю ЦК КПСС Никите Сергеевичу Хрущеву, депутаты и гости бурными и продолжительными аплодисментами встретили его. Великой гордостью за могучую Советскую Родину, за Коммунистическую партию наполнились сердца депутатов и гостей, слушавших яркий, убедительный, обстоятельный доклад главы Советского правительства. То и дело речь Никиты Сергеевича прерывалась бурными аплодисментами.

Доклад товарища Н. С. Хрущева передавался всеми радиостанциями Советского Союза и транслировался по телевидению. 5 мая на вечернем заседании выступили депутаты Н. Т. Каль-

ченко, А. И. Струев, Ж. А. Ташенев, Т. Я. Киселев, И. В. Спиридонов, П. И. Быков.

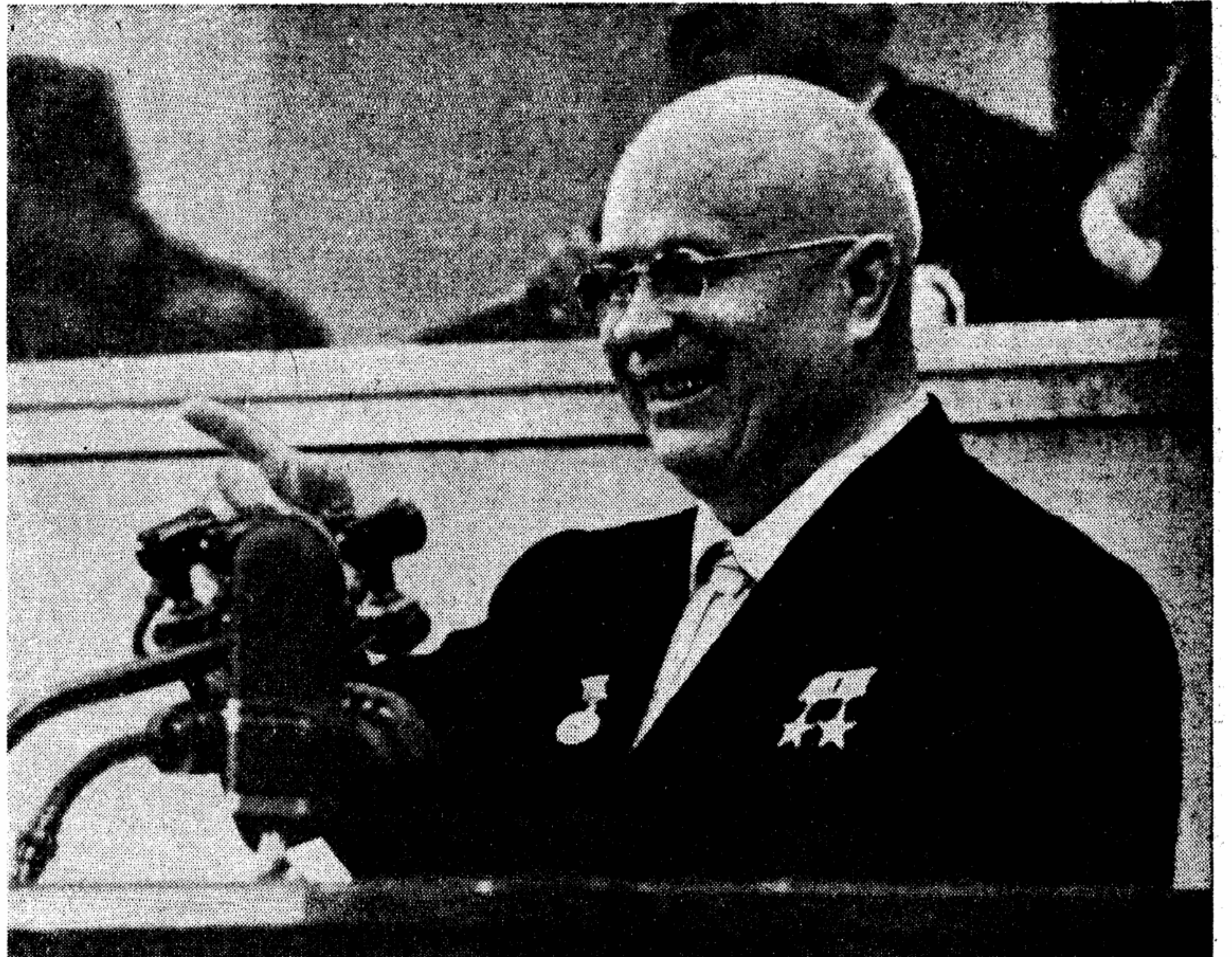
6 мая в прениях по докладу товарища Н. С. Хрущева выступили З. Т. Сердюк, А. А. Гречко, Ф. Ульджабаев, В. И. Иванов, Г. Д. Джавахидов, Г. Хайдарова, В. А. Амбарцумян, Н. Байрамов, В. И. Довгопол, Л. Н. Ефремов, И. С. Грушецкий, В. Ю. Ахундов, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Депутат П. Н. Демичев вносит предложение принять постановление Верховного Совета СССР, одобряющее деятельность Совета Министров СССР как в области внешней, так и в области внутренней политики.

Это предложение встречается горячими аплодисментами. Сессия принимает решение заслушать заключительное слово и принять решение по первому вопросу повестки дня после рассмотрения второго вопроса.

На вечернем заседании началось обсуждение второго вопроса повестки дня — о мероприятиях по завершению перевода в 1960 году всех рабочих и служащих на сокращенный рабочий день. С докладами по этому вопросу выступили председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы депутат А. П. Волков и председатель ВЦСПС депутат В. В. Гришин. Затем начались прения, которые открыл депутат М. А. Абдуразаков.

Обсуждение докладов А. П. Волкова и В. В. Гришина возобновится на следующем заседании Совета Союза и Совета Национальностей утром 7 мая.

Никита Сергеевич Хрущев выступает на Пятой сессии Верховного Совета СССР.

«Это какой признак? По-моему, хороший» — говорит Никита Сергеевич.

Доклад товарища Н. С. ХРУЩЕВА НА СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Председатель Совета Министров СССР, Первый секретарь ЦК КПСС депутат Н. С. Хрущев, выступая на сессии Верховного Совета СССР с докладом об отмене налогов с рабочих и служащих и других мероприятиях, направленных на повышение благосостояния советского народа, сказал:

Советские люди гордятся тем, что дело нашего великого вождя и учителя живет и побеждает, что мечты Ленина воплощаются в жизнь сотни миллионов людей — строителей социализма и коммунизма, что дело Ленина привлекает к себе все честных людей на земле. Мы были единственной социалистической страной, как остров среди океана, на который в ярости налетали капиталистические штормы, сказал товарищ Хрущев. Нам навязывали войны, нас блокировали экономически, держали под огнем идеологических атак. Но, несмотря на это, советские люди разбили интервентов, разбили контрреволюцию, разгромили гитлеровцев, заделали раны, нанесенные войнами, и не только заделали, но и достигли такого уровня в развитии хозяйства, который уже сейчас поражает весь мир и открывает перед советским народом еще более грандиозные перспективы.

Этот гигантский труд народа, эти исторические завоевания в коммунистическом строительстве и есть величественный памятник Владимиру Ильичу Ленину.

Совет Министров СССР, продолжал Н. С. Хрущев, вносит на рассмотрение Верховного Совета проект Закона об отмене налогов с рабочих и служащих и других мероприятиях, направленных на повышение благосостояния советского народа. Второй вопрос о мероприятиях по завершению перевода в 1960 году всех рабочих и служащих на сокращенный рабочий день.

Как видите, повестка дня вполне соответствует весеннему подъему и радости, она отражает заботу нашей партии и правительства о непрерывном росте благосостояния советского народа, еще раз убедительно подтверждает миролюбивый характер политики Советского социалистического государства.

На XXI съезде партии отмечалось, что по мере выполнения семилетнего плана размеры накопления социалистических предприятий будут неуклонно расти и в конечном счете станут единственным источником обеспечения расширенного социалистического воспроизводства и дальнейшего роста жизненного уровня народа. В этих условиях внимание налогов с населения не выдвигается необходимостью. Полная отмена налогов с заработной платы рабочих и служащих и другие мероприятия, направленные на повышение благосостояния советского народа, будут государственным актом огромного политического и экономического значения. Этот акт является новым ярким выражением неоспоримых преимуществ социалистического общественного строя. Он подготовлен мощным подъемом производительных сил нашей Родины, идущей к коммунизму.

Величайшее завоевание социализма состоит в том, что он ликвидировал капиталистические производственные отношения и открыл полный простор развитию производительных сил общества. Теперь наша страна является одной из самых экономически сильных держав мира, светочем прогресса человечества, надежным союзником и другом народов, борющихся за свою свободу и независимость, оплотом мира и братства народов.

Остановившись на итогах минувшего 1959 года, Н. С. Хрущев сказал, что это был год выдающихся достижений в развитии производительных сил, в создании материально-технической базы коммунизма. Мы никогда за один год не делали так много, как в 1959 году — первом году семилетия.

Предварительные итоги работы за первые четыре месяца показывают, что план второго года семилетия успешно выполняется. Задание по выпуску промышленной продукции в первом квартале выполнено на 104 процента. Перевыполнен план государственных закупок скота и молока в целом по СССР.

В соответствии с решениями декабрьского Пленума ЦК КПСС в стране развернулась большая работа по дальнейшему крутому подъему сельскохозяйственного производства. Многие республики и области приняли дополнительные обязательства по увеличению производства сельскохозяйственной продукции и энергично борются за их выполнение.

Наш народ, говорит товарищ Хрущев, решает великую задачу — догнать и превзойти наиболее развитые капиталистические страны в экономическом отношении. Реальность этой задачи теперь не могут отрицать даже люди, известные своей ненавистью к социализму.

Мы твердо знаем, что самую развитую в экономическом отношении капиталистическую страну — Соединенные Штаты Америки мы непременно догоним и оставим позади тем быстрее, чем активнее будем отдавать наши знания, силы, талант делу досрочного выполнения семилетнего плана, чем настойчивее будем преодолевать наши недостатки, чем активнее будем

выметать из нашего советского дома все косное и отжившее.

Глава Советского правительства подчеркнул, что на основе решений XX и XXI съездов Коммунистической партии неуклонно осуществляется программа подъема благосостояния и культуры советского народа. Реальные возможности для этого обеспечиваются высокими темпами роста национального дохода в СССР, которые позволяют наряду с непрерывным расширением общественного производства все в больших размерах повышать уровень жизни трудящихся Советской страны.

Вот данные о росте национального дохода Советского Союза. В 1959 году он увеличился по сравнению с 1953 годом в 1,8 раза, а по сравнению с 1913 годом почти в 25 раз. В расчете на душу населения национальный доход увеличился в 1959 году по сравнению с 1953 годом в 1,6 раза, а по сравнению с 1913 годом в 16 раз. А, как известно, в социалистическом обществе весь национальный доход является народным доходом, а все национальное богатство — народным богатством. Это одно из важнейших преимуществ социализма перед капитализмом.

В капиталистических странах больше половины национального дохода присваивается классом капиталистов, а на долю трудящихся остается меньше половины национального дохода. В силу частного присвоения национальное богатство в капиталистических странах является богатством не народа, а буржуазии. В Советском Союзе около трех четвертей национального дохода идет на удовлетворение личных материальных и культурных потребностей населения, а остальная часть направляется на расширение социалистического производства и на другие общественные потребности.

За период с 1953 по 1959 год реальные доходы рабочих и служащих в СССР увеличились на 45 процентов, а реальные доходы крестьян на 64 процента.

Советские люди умело, разумно используют свои растущие доходы. Они стали лучше питаться, одеваться.

По состоянию на 1 апреля 1960 года около 16 миллионов человек уже имели сокращенный семидневный и шестидневный рабочий день. Как известно, в 1960 году будет полностью завершено перевод всех рабочих и служащих на семидневный и шестидневный рабочий день.

В соответствии с директивами XXI съезда партии к концу 1962 года намечается перевести рабочих и служащих на 40-часовую рабочую неделю, а с 1964 года приступить к постепенному переводу рабочих и служащих на шестидневный и пятичасовой рабочий день. Это будет самый короткий рабочий день в мире, выдающееся социальное завоевание трудящихся.

Планомерный перевод рабочих и служащих на сокращенный рабочий день осуществляется без уменьшения заработной платы, а в большинстве отраслей промышленности, где одновременно с этим проводятся мероприятия по упорядочению заработной платы, она значительно повышается, особенно у низкооплачиваемых работников.

Большую заботу проявляют Коммунистическая партия и Советское правительство об улучшении жилищных условий трудящихся. За последние три года построены жилые дома общей площадью 204 миллиона квадратных метров, то есть на 16 миллионов квадратных метров больше, чем было предусмотрено планом.

Все это убедительно говорит о том, что Коммунистическая партия и Советское правительство многое сделали и делают для улучшения жизни народа, видя в этом главную цель всей своей деятельности.

По заданию Центрального Комитета партии и Советского правительства, сказал далее товарищ Хрущев, наши плановые органы разрабатывают перспективный план экономического и культурного развития страны на ближайшие 20 лет, открывающий перспективы невиданно быстрого продвижения страны по пути к коммунизму.

У нас есть все условия к тому, чтобы в ближайшее время советский народ стал жить еще лучше, еще богаче и радостней. Среди мероприятий, направленных на дальнейшее последовательное повышение благосостояния советских людей, важное место занимает отмена взимания налогов с населения. Это крупное мероприятие, имеющее большое экономическое и политическое значение.

Освобождение от налогов — давняя мечта трудящихся. Но может ли она осуществиться в условиях капитализма? Конечно, нет. Одна из характерных черт капитализма на всех этапах его развития — безудержный рост налогов с населения. Особенно возросли налоги в эпоху империализма в связи с колоссальным ростом военных расходов и разбуханием государственного аппарата. В бюджете Соединенных Штатов Америки налоговые поступления за последние 20 лет возросли в восемь раз, в бюджете Англии — в 5,5 раза.

Огромные средства, полученные в виде нало-

гов, используются капиталистическими государствами в первую очередь на военные цели. В текущем бюджетном году расходы федерального бюджета Соединенных Штатов Америки на военные цели составили 58,3 процента, а вместе с расходами по государственным займам, которые в основном связаны с гонкой вооружений, — свыше 70 процентов всего бюджета.

Государственный бюджет СССР является бюджетом мирного хозяйственного и культурно-строительного. Его подавляющая часть, почти четыре пятых всех расходов, используется для развития народного хозяйства, на повышение материального и культурного уровня жизни народа. Последовательно осуществляя мирную политику, Советский Союз систематически сокращает численность вооруженных сил. Вот почему у нас расходы на оборону страны из года в год снижаются. В бюджете на 1960 год они составили 12,9 процента против 19,9 процента в 1955 году. Новое значительное сокращение вооруженных сил, которое проводится в соответствии с законом, принятым Верховным Советом СССР в январе 1960 года, позволит дополнительно уменьшить расходы на оборону страны.

В современных условиях, благодаря достигнутым успехам в развитии экономики, укреплению финансов и денежного обращения, Советский Союз располагает необходимыми ресурсами для того, чтобы уже в нынешнем году приступить к отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих.

Н. С. Хрущев отметил, что после победы Великой Октябрьской социалистической революции роль налогов принципиально изменилась. Из источника дополнительной эксплуатации трудящихся, каким являются налоги в капиталистическом обществе, они впервые в истории были поставлены на службу социалистического строительства, использованы в интересах самого народа.

По мере роста народного хозяйства и увеличения доходов от социалистических предприятий удельный вес налогов с населения в доходах бюджета систематически снижался.

Одновременно со снижением налогов с населения, начиная с 1958 года, прекращен выпуск государственных займов, размещаемых по подписке среди населения. Поступления по займам в бюджет составляли, как известно, в послевоенный период в среднем около 25 миллиардов рублей в год. В тот же период были отменены обязательные платежи с владельцев земельных участков с хозяйства колхозников, рабочих и служащих. Все это значительно увеличило доходы населения и способствовало дальнейшему повышению жизненного уровня рабочих, крестьян и интеллигенции. Только за последние два года вклады населения в сберегательных кассах возросли на 20 миллиардов рублей и в настоящее время превышают 105 миллиардов рублей, а число вкладчиков составляет свыше 50 миллионов.

Совет Министров СССР, всесторонне взвесив все наши возможности, говорит Н. С. Хрущев, разработал предложения о постепенной отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих и вносит проект Закона по этому вопросу на обсуждение Верховного Совета СССР.

Проект предусматривает осуществление отмены налогов с заработной платы в три этапа, начиная с этого года. Таким образом, будет уменьшена нагрузка по отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих относительно меньшей заработной платы, а затем постепенно прекратит взимание налогов со всех рабочих и служащих.

Доходы рабочих и служащих в результате полной отмены налогов возрастут к 1966 году примерно на 74 миллиарда рублей в год. Это является важной дополнительной мерой, направленной на дальнейшее повышение благосостояния народа.

В предложениях, которые вносятся на рассмотрение Верховного Совета, предусматривается отмена налогов с населения не по принципу уравниловки, а дифференцированно, исходя из того, чтобы заработная плата возросла прежде всего у низкооплачиваемых рабочих и служащих. Таким образом, будет уменьшен разрыв в заработной плате между рабочими и служащими, имеющими низкие и высокие ставки. Мы должны неуклонно соблюдать ленинское указание о материальной заинтересованности в результатах труда работников социалистического общества. Однако после второй мировой войны образовался слишком сильный разрыв в оплате труда различных категорий работников, и этот разрыв нужно сокращать. Думаю, заявил товарищ Хрущев, что такая линия Центрального Комитета партии и Советского правительства является правильной и находит одобрение как в партии, так и со стороны всех трудящихся. Нам надо постоянно разрабатывать проводимые в этом направлении мероприятия, чтобы они были более понятны всем людям.

Касаясь затем сельскохозяйственного налога, Н. С. Хрущев сказал, что этот налог временно следует сохранить, поскольку он играет извест-

ную роль в укреплении трудовой дисциплины в колхозах и в регулировании доходов колхозников от личного подсобного хозяйства.

Со временем, по мере увеличения общественного производства, роста хозяйства колхозов, будут созданы условия, при которых роль приусадебных участков будет отпадать, они, видимо, потеряют свое значение для колхозников, и, следовательно, созреют условия для отмены и сельскохозяйственного налога с личного подсобного хозяйства.

Н. С. Хрущев сказал, что накопления социалистического хозяйства с отменой налогов с населения становятся единственным источником доходов нашего государства. Делом первостепенной важности является развертывание подлинно всенародной борьбы за дальнейшее увеличение производства продукции, повышение производительности труда, снижение себестоимости, неуклонное повышение рентабельности производства, более полное использование имеющихся в народном хозяйстве резервов.

Семилетним планом предусмотрены большой рост производства и снижение себестоимости промышленной продукции. Экономия только от снижения себестоимости за семилетие составит около 650 миллиардов рублей. Важнейшим источником снижения себестоимости и увеличения накоплений является повышение производительности труда. В 1960 году за счет роста производительности труда должно быть получено три четверти всего годового прироста промышленной продукции.

Необходимо, чтобы вопросы повышения производительности труда и снижения себестоимости продукции были в центре внимания руководителей предприятий, партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций.

В условиях социализма бороться за лучшую жизнь — это значит, прежде всего, бороться за повышение производительности труда. Только труд создает материальные и духовные блага, преобразует и украшает землю. Только труд ведет к полному и окончательному торжеству нового общественного строя.

Одновременно с рассмотрением вопроса об отмене налогов с населения, продолжал Н. С. Хрущев, предлагается обсудить и решить на сессии Верховного Совета еще один крупный вопрос нашей финансовой политики: я имею в виду вопрос о целесообразности укрупнения советской денежной единицы путем изменения существующего масштаба цен.

Советский Союз располагает крепкой валютой и устойчивой денежной системой, успешно обеспечивающей планомерную организацию денежного оборота в стране и способствующей на этой основе эффективному использованию материальных и трудовых ресурсов.

Полноценный советский рубль является необходимым условием для осуществления политики партии и правительства, направленной на неуклонное повышение благосостояния народа на основе быстрого роста социалистической экономики. Если до Великой Отечественной войны объем валовой продукции, товароборота, фонда заработной платы выражался в миллиардах и десятках миллиардов рублей, то теперь эти показатели определяются в сотнях миллиардов и триллионах рублей. Валовая продукция промышленности уже приближается к полутора триллионам рублей и к концу семилетия превысит два триллиона рублей. Розничный товароборот в 1965 году составит более одного триллиона рублей. Государственный бюджет СССР в ближайшие годы также достигнет триллиона рублей.

В этих условиях стало необходимым укрупнить нашу денежную единицу, увеличить золотое содержание рубля и пересмотреть масштаб цен.

Совет Министров СССР рассмотрел этот вопрос и принял решение повысить с начала 1961 года масштаб нашей денежной единицы в 10 раз и в связи с этим выпустить в обращение новые деньги. Это мероприятие не вызовет никаких потерь ни со стороны населения, ни со стороны государства. Укрупнение денежной единицы означает снижение в 10 раз против нынешнего уровня всех оптовых и розничных цен, а также платы за все услуги, предоставляемые населению: платы за квартиру и коммунальные услуги, за проезд на всех видах транспорта, за услуги связи, за посещение театров, кино и т. д.

Одновременно будут пересчитаны по этому соотношению — то есть 10 к 1 — все денежные доходы населения, получаемые им от государства, государственных и кооперативных предприятий, организаций и колхозов в виде заработной платы, заработков колхозников, пенсий, пособий, стипендий и т. д.

В целях создания удобства населения для обмена будет установлен достаточный срок — три месяца. В течение этого времени все граждане СССР смогут спокойно обменять свои деньги. В этот период в обращении будут находиться новые и старые деньги, при этом старые деньги

(Окончание на 2-й стр.)

Фото М. Трахмана

Окончание доклада товарища Н. С. ХРУЩЕВА

будут приниматься в платежи за товары и услуги по соотношению 10 рублей в старых деньгах за один рубль в новых. Это позволит всему населению полностью обменять, без всяких ограничений, все имеющиеся у него денежные билеты и разменной монеты в сроки, удобные для всего населения страны. По такому же соотношению должны быть пересчитаны все сбережения населения.

Изменение курса рубля к иностранным валютам, которое будет проведено одновременно с указанными выше мероприятиями, не повлечет за собой потерь как для иностранных государств, так и для Советского Союза.

Намечаемые мероприятия будут содействовать и дальнейшему совершенствованию советской денежной системы, укреплению хозяйственного расчета, еще большему внедрению бережливости во всей хозяйственной деятельности, повышению покупательной способности советского рубля и вместе с другими мероприятиями будут содействовать успешному развитию социалистической экономики нашей страны, подъему благосостояния народа.

В своем докладе Н. С. Хрущев подробно осветил вопросы расширения производства товаров народного потребления. Он напомнил, что в семилетнем плане предусмотрено большое развитие легкой и пищевой промышленности. В 1960 году плану будет выработано 7,9 млрд. погонных метров тканей (6,3 млрд. квадратных метров). Это больше, чем выработается во Франции, Англии и ФРГ, вместе взятых. Шерстяных и льняных тканей у нас выпускается значительно больше, чем в любой капиталистической стране. По потреблению тканей в расчете на душу населения наша страна в настоящее время обогнала Италию, догнала Францию, а в ближайшие три-четыре года мы догоним ФРГ и Англию.

Успешно развивается пищевая промышленность. В прошлом году в нашей стране было произведено 6 миллионов тонн сахара. Это больше, чем производилось в Англии, Франции, ФРГ, Италии, Австрии, Бельгии, Дании и Голландии, вместе взятых.

Полностью обеспечиваются потребности населения нашей страны в хлебе, значительно улучшилось обеспечение овощами — этот вопрос уже не является для нас лимитирующим. В ходе дальнейшего развития нашего хозяйства необ-

ходимо всемерно расширять и улучшать ассортимент и качество производства и обработки овощей, а также фруктов.

По душевому производству животного масла Советский Союз уже в 1959 году превзошел Соединенные Штаты Америки. По производству молока и молочных продуктов мы догоним их в будущем году. По мясу нам предстоит взять самый высокий барьер, потому что мы намного отстаем в производстве мясных продуктов на душу населения от Соединенных Штатов Америки.

В течение семилетия мы решим задачу полного удовлетворения потребности населения в продовольствии и обеспечим население в достатке одеждой и обувью. К концу семилетия Советский Союз по многим важнейшим товарам народного потребления обгонит по душевому потреблению наиболее развитые капиталистические страны Западной Европы. Мы ставим задачу после выполнения семилетнего плана в течение пяти лет догнать, а затем и превзойти Соединенные Штаты Америки по уровню потребления на душу населения товаров народного потребления, в том числе тканей и обуви.

Это — задача огромной политической и государственной важности. Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР поручили Госплану подготовить конкретные мероприятия по дальнейшему расширению производства и увеличению выпуска тканей, обуви и других товаров с тем, чтобы в более короткие сроки превзойти уровень потребления этих товаров в Соединенных Штатах Америки.

Осуществление программы быстрого развития производства товаров широкого потребления будет решающим шагом на пути к изобилию в нашей стране.

Далее Н. С. Хрущев сказал: — Все проведенные нами мероприятия и намечаемые новые планы, о которых я вам докладываю, выгодно отличают наш социальный строй, нашу советскую систему от строя капиталистического. На деле, на фактах самой жизни, своим трудом, своими успехами, самой практикой мы опровергаем ложь буржуазных политиков и философов, что капитализм обеспечивает самый высокий уровень жизни народа.

Советский народ всегда рассматривал себя как передовой отряд международного рабочего класса, трудового народа в борьбе за постро-

ение коммунизма. Жизнь нашей страны показывает, что Советский Союз успешно выполняет эту почетную, но очень ответственную роль.

Не войной мы будем распространять идеи коммунизма. Нет! Наша практика, конкретные успехи коммунизма, идеи коммунизма, претворяемые в жизнь, будут как бы ввинчиваться в сознание людей, будить их мысль и показывать, что единственный путь для полного освобождения человека и удовлетворения всех материальных и духовных потребностей людей — это путь коммунизма, путь борьбы против господства капитализма, путь победы рабочего класса, путь победы и освобождения трудового народа от вопиющих несправедливостей эксплуататорского строя.

Некоторые товарищи, сказал далее Н. С. Хрущев, могут поставить такой вопрос: а не горючим ли мы с отменой налогов и увеличением капиталовложений на средства потребления? Не будет ли это ослаблять развитие промышленности средств производства, как есть главного потенциала нашего хозяйства, как для будущего развития экономики, так и главным образом для создания средств обороны нашей страны?

Мы все это продумали и учитывали все стороны, когда разрабатывали предложения, которые представлены на рассмотрение Верховного Совета, и пришли к убеждению, что сейчас мы имеем все возможности, не ослабляя развития тяжелой промышленности, принять решение об отмене налогов с населения и увеличении капиталовложений на производство средств потребления. При этом мы ни на минуту не можем и не должны ослабить заботы о развитии тяжелой индустрии, которая всегда должна быть в центре внимания каждого трудящегося Советской страны и каждого трудящегося всех социалистических стран с тем, чтобы не сблизиться с ленинским путем, не поддаться капиталистическому нажиму. А капиталистический нажим мы ощущали с первых дней Советской власти.

Н. С. Хрущев говорит, что сессия собралась в знаменательные дни, когда отмечается пятидесятилетие победы над гитлеровской Германией и окончания второй мировой войны в Европе.

Наш народ не забыл и никогда не забудет, какой ценой была завоевана победа. Не забыли об этом и народы Соединенных Штатов, Англии,

Франции, Польши, Чехословакии, Албании, Югославии, Греции, Норвегии и других государств, сражавшиеся в рядах антигитлеровской коалиции. Память о недавнем прошлом обливается и нас, и наших бывших союзников по антигитлеровской коалиции бережь и укреплять мир, достигнутый в результате победы, окончательно подвести черту под минувшей войной и сделать так, чтобы новой войны не было совсем, чтобы ее не могли разжечь никакие новоявленные поджигатели Гитлера.

16 мая в Париже, продолжает Н. С. Хрущев, состоится встреча руководителей четырех держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции. Участникам этой встречи предстоит рассмотреть важнейшие международные вопросы, решение которых необходимо и более того необходимо для того, чтобы заложить прочные основы мира и обеспечить мирное сосуществование государств с различным социальным строем. Успешное рассмотрение этих вопросов на предстоящем совещании в верхах привело бы к улучшению отношений между странами, вселило бы в народы уверенность, что силы мира берут верх над силами войны и, следовательно, были бы расширены пути для развития политики, направленной на укрепление мира и дружбы между народами.

Н. С. Хрущев указал затем на вопросы, которые требуют решения: всеобщее и полное разоружение, заключение мирного договора с Германией и решение на этой основе вопроса о Западном Берлине.

На совещании в верхах предстоит обсудить и другие вопросы взаимоотношений между социалистическими и капиталистическими странами, или, как их еще называют, вопросы отношений между Востоком и Западом.

Но решение вопросов разоружения, упрочения мира в Европе, международной разрядки, по-видимому, не все устраивает. Есть еще такие силы на Западе, и они довольно активны, которые никак не могут понять, насколько необходимым стало теперь мирное сосуществование социалистических и капиталистических государств и насколько безумными были бы любые попытки продолжать в нынешних условиях политику балансирования «на грани войны».

Совершенно очевидно одно: в Восток не смирились с поражением в минувшей войне; там вновь вынашиваются злодейские планы развязывания новой войны; там все еще мечтают о реванше, о том, чтобы ликвидировать те изменения, которые произошли в мире в результате разгрома гитлеровской Германии.

Народы требуют, чтобы руководящие деятели всех стран сделали правильные выводы из роковых ошибок прошлого и не допустили, чтобы германские милитаристы вновь смогли навязать человечеству войну.

Мы призывали и призываем правительства западных держав проинципировать понимание необходимости мирного сосуществования государств независимо от их социального строя и будем добиваться смягчения международной напряженности. О необходимости смягчения международной напряженности неоднократно заявляли и президент США Эйзенхауэр, и президент Франции де Голль, и премьер-министр Великобритании Макмиллан.

Как же можно оценивать в целом положение, которое складывается сейчас, накануне совещания в верхах? Я уполномочен Советским правительством заявить депутатам Верховного Совета, что последние шаги наших партнеров по предстоящим переговорам, их выступления с изложением своих позиций, их некоторые действия, к сожалению, дают пока мало оснований для надежды, что правительства стран, с главами которых мы должны встретиться, действительно ищут конкретных решений.

Складывается, в частности, впечатление, что определенные руководящие круги Соединенных

Штатов Америки сейчас еще не пришли к выводу о необходимости смягчения напряженности и решения спорных вопросов путем переговоров. Последнее время заметно активизировались в Соединенных Штатах Америки влиятельные внутренние силы — империалистические круги, милитаристы, оплотом которых является Пентагон. Эти агрессивные силы стоят на позиции продолжения «холодной войны», гонимы вооружения и идут даже на прямые провокации.

По поручению Советского правительства Н. С. Хрущев сообщил Верховному Совету об агрессивных действиях, имевших место за последние недели со стороны Соединенных Штатов Америки против Советского Союза. Эти агрессивные действия выразились в том, что Соединенные Штаты Америки послали свои самолеты, которые пересекли наши государственные границы и вторглись в пределы Советского Союза. Американский самолет, вторгшийся на нашу территорию 1 мая, был сбит.

Если подобные агрессивные акты против нашей страны будут продолжаться, сказал Н. С. Хрущев, мы оставляем за собой право ответить на них мерами, которые мы найдем нужными применить, чтобы обезопасить нашу страну. Думаю, что сделаем самое серьезное предупреждение и тем странам, которые предоставляют свою территорию Соединенным Штатам Америки для агрессивных действий против нашей страны.

Создается впечатление, что агрессивные действия, которые снова совершили Соединенные Штаты Америки против Советского Союза, приурочены к совещанию глав правительств. Делается это с тем, чтобы наказать на нас, попытаться запугать своим мнимым военным превосходством и тем самым ослабить нашу решимость в борьбе за разрядку международной напряженности, в борьбе за ликвидацию состояния «холодной войны» и прекращение гонимы вооружения. Эти действия направлены на то, чтобы не достигнуть договоренности по спорным вопросам.

Мы можем сказать господам, которые послали этот самолет, что их попытки согнуть наши колени и нашу спину путем нажима не могут на нас подействовать, заявил Н. С. Хрущев. Советский Союз имеет возможность к тому, чтобы дать отпор всем, кто захочет путем нажима добиться решения, выгодного для агрессора.

Советский Союз вновь обращается к правительству Соединенных Штатов Америки с призывом прекратить состояние «холодной войны», прекратить провокации против других стран. Во взаимоотношениях между государствами надо руководствоваться мирными устремлениями с тем, чтобы обеспечить спокойствие, мир и счастье для всех людей земли.

Мы идем на совещание в Париже с чистым сердцем, добрыми намерениями и не пожалеем сил, чтобы достигнуть взаимоприемлемого соглашения. Но мы должны трезво оценивать возможности и видеть, что есть признаки, которые предупреждают, что эти переговоры могут не удовлетворить чаяний народов всего мира, стремящихся жить в мире.

Заканчивая доклад, Н. С. Хрущев заявил: Империалисты не в силах затормозить развитие социалистических стран, уверенно идущих к светлому будущему человечества — к коммунизму.

Можно с уверенностью сказать, что вопросы, которые будут обсуждать Верховный Совет, вызовут чувства высокой гордости у всех советских людей. Еще и еще раз каждый советский человек скажет себе: да, не напрасно были потрачены годы, воля и труд действительно сотворили дивные дивы на советской земле.

Под знаменем Ленина, под руководством Коммунистической партии к новым победам в строительстве коммунизма!

(Доклад Н. С. Хрущева неоднократно прерывался бурными аплодисментами).

РАБОЧИЕ руки создали первое в мире социалистическое государство, развили и укрепили его мощь, оно питается соками своей необъятной земли, оно достигло чудесных успехов во всех отраслях жизни, движется вперед по своим законам, справедливым и мудрым, и законы эти стали примером для всех народов, стремящихся к свободе и счастью.

Доклад Никиты Сергеевича Хрущева на V сессии Верховного Совета СССР — новое, прекрасное и действительно ослепительно доказательство жизнеспособности ленинских законов развития общества и государства, лучших в основе всей нашей жизни, доказательство неизменной заботы о росте благосостояния советских людей. Слова главы правительства весьма убедительны, потому что основываются они на фактах, на точных цифрах, подкрепляются каждый день самой жизнью. Они проникнуты глубиной, искренней любовью к простому человеку, гуманизмом их радуется, как весеннее солнце.

Показатели советских достижений не приходится подтасовывать, они проверены перед всем миром, и правда, заложенная в них, ясно ощущается и захватывает. Она узнается по тому жадному и радостному вкосу в жизни, который отглаживает оптимистическое, проникнутое творческой энергией советское общество от буржуазного общества, приданного, потерявшего веру в будущее.

Словы баснями не кормят. Забота Советского правительства и Коммунистической партии о благосостоянии населения — это не пустая фраза, она не остается на бумаге, она претворяется в жизнь, сказывается сразу после каждого мероприятия в каждом доме, на каждом столе, в магазинах, на улицах, в вагонах поезда, у кассы театра. Что важно для советского человека, требования которого за 42 года непрерывно возрастали? Он, пожалуй, не насытен, этот наш современник, но жажда его добрая, он стремится прожить свою жизнь лучше, наполнить ее великими и прекрасными делами, доблестным трудом.

И для блага его, для того, чтобы волею себя чувствовал человек, чтобы душа его радовалась советской жизни со всей полнотой, еще более сокращается рабочий день. Шесть, совхозная или колхозная ферма, подземный труд в шахте, работа в учреждении не требуют от рабочего и служащего всего необходимого часов, — так уж далек пятничасовый рабочий день. Больше, чудесные дали открываются перед простым человеком, все науки и искусства еще глубже войдут в его жизнь, яснее, высокие радости станут еще чаще посещать его дом. Советский нефтяник, слесарь, девушка у конвейера, служащая, убирающая комнаты, дворня, учительница, слесарь, принимающие деятельное участие в общественной жизни, еще крепче возьмут в свои руки управление своим скромным участком и вместе с тем всей страной. И слова и снова восторгаются люди во всем мире тому доброму сиянию, каким окружен у нас простой трудящийся. Это не ореол старых выдуманных святых, леопородов и мнимых героев, это сияние света, которое излучает советское сердце, смелое и благородное.

Коммунисты ругают в странах доллара или фунта материалистами, влагая в

Пятая сессия Верховного Совета СССР пятого созыва. Депутаты приветствуют Никиту Сергеевича Хрущева. Фото М. Трахмана

ЗА СЧАСТЬЕ ЧЕЛОВЕКА

Ян СУДРАВКАЛИН

это слово десятки разных и противоречивых понятий, общая сумма которых сводится к тому, что Советы принимают человеческое достоинство, берут в тиски свободу личности, сводят к борьбе за кусок хлеба. На самом деле все наоборот, это ясно даже школьнику. Советские материалисты берегут и развивают коммунистические традиции, зовут человечество к высочайшим идеалам. Идеалистические же философы, лавки капиталистов, помогают своим боссам держать в рабстве, темноте и нищете миллионные массы трудящихся, бесстыдно насмехаясь над стремлениями их к знаниям и красоте, попирая ногами их права, толкая их к атомной войне.

Душа советского человека полна от чистого сердца, от полноты хороших и радостных чувств. Самый скромный, незамысловатый труженик чувствует себя полноценным человеком в братской семье, признает свою связь со всей жизнью великой страны. Коллектив ни на минуту не выпускает его из поля зрения, а нем забывается партия. И новый рубль, воз-

величенный десятикратно, становящийся одной из самых дорогих монет в мире, и новый рабочий день, и новые доходы простых людей, все мероприятия, направленные к выравниванию оплаты труда работников социалистического общества, но ни в какой степени не обезличивающие эту оплату, — все это посылит укрепление государства и благотворно повлияет на рост личного благополучия каждого советского гражданина. Заграничные злопыхатели непременно что-нибудь объяснят по-своему, то есть выворот-навыорот, но истинна ясна для каждого честного человека. Доход американской средней семьи под бременем налогов снижается на 30 процентов, доходы же советских рабочих и служащих возрастали после полной отмены налогов примерно на 74 миллиарда рублей в год.

Глубокая и мудрая, полная любви забота о человеке чувствуется в этих мероприятиях, она проводится на самом прочном фундаменте, на прочной экономике, устойчивой валюте. Она выражает возросшую мощь Советского государства. Повесть дна V сессии поистине «своя» ветвь весеннего подъема и радости», как сказал товарищ Хрущев. Радостно откликнутся на нее миллионы сердец.

ВЕСНА КОММУНИЗМА ИДЕТ

Ираклий АБАШИДЗЕ, депутат Верховного Совета СССР

...Это было в августе 1959 года. Вместе с группой депутатов советской культуры я поехал в Соединенные Штаты Америки. Американцы в ту пору были заняты одним — они ждали высокого советского гостя — Хрущева. Об этом писали все газеты, журналы, всюду расправлялись и нас... Замечу, что как выражались сами американцы, визит к нам «первого в мире коммуниста» потряс американский континент.

Я видел, что это именно так, но с особой остротой я ощутил значение этого события в доминирующем американского инженера, живущего в маленьком городке у автомагистрали между Вашингтоном и Чикаго. Мы ехали в машине. Неожиданно опустившийся вечер вынудил нас сделать остановку. Гостеприимный инженер Чарльз предложил остановиться на ночлег у него. Этот высокий, красивый 32-летний человек принял на себя все заботы об ужине: жена и дети в это время были на даче.

Наш хозяин был приветлив и во время ужина первый тост поднял за дружбу. — Я не политик, а инженер, — сказал Чарльз. — У меня нет необходимости впадать в дипломатическое косячище. Поэтому скажу кратко: я хочу дружить с вами, с вашей великой страной. Мы научились рас-

спешать атомное ядро. Так неужели мы не научимся жить в мире? Я никогда не видел мистера К (так в США зовут Н. С. Хрущева. — И. А.), но я верю ему и хочу того же, что и он. — мистр! Поверьте моей искренности! Давайте выпьем за мир! За вашу великую миролюбивую страну!

Когда утром мы сели в машины, чтобы продолжить свой путь в Чикаго, сдержанный Чарльз, которого мы пригласили посетить нашу страну, сказал мне:

— Вы, мистер, поэт, вам легче передать словами человеческое чувство. А наш брат, инженер, на сей счет тутоват... И все-таки запомните: на этой дороге между Вашингтоном и Чикаго, равно как и во всех Штатах, большинство американцев хочет мира и дружбы с вами. Я говорю большущую, ибо, увя, за всех ругаться не могу...

...Совсем недавно, несколько недель назад, я выехал из Тбилиси в районный центр Самтредиа. Избиратели пригласили меня на открытие Дома культуры. Дом только что построили, и, признаюсь, он вышел на славу — большой, светлый, просторный... Недалеко от Самтредиа находится и родное селение. Здесь похоронен мой отец, и этой весенней порой мне, естественно, захотелось побыть на его могиле...

В селении я повстречал многих одноклассников, старых знакомых. Повстречал и 75-летнего Капитона Абзанидзе, знаменитого нашего деревенского кузнеца, солдата первой мировой вой-

ны и напервейшего политика. У нас в Западной Грузии, беседа за вином без международной политики — это пустая трата времени. Капитон Абзанидзе, конечно, позвал меня к себе в дом, достал кувшин с вином и сразу перешел «в атаку»:

— Говорят, недавно ты был в Америке? Ну-ка, расскажи, что там у них на уме? Что думает о нас Эйзенхауэр? А то я в последнее время не очень хорошо понимаю их политику: вроде в Париж надо ехать, договариваться, мир с Хрущевым налаживать, а они непристойные речи проносят, даже пытаются нас запугать? Так где же правда? И тут же спросил: — Значит, ты скоро едешь в Москву, на сессию... Интересно, какие вопросы там будут решать? Хрущев, конечно, что-то скажет о международном положении. Интересно, как теперь идет дела? Помни только об одном: слабый просит, сильный убеждает!

...Находясь 5 мая на заседании Верховного Совета СССР, внимательнейшим образом слушая, как и все депутаты, доклад Никиты Сергеевича, я все время невольно вспоминал старого грузина-кузнеца и молодого американского инженера. Мне казалось, что сейчас они находятся рядом, сидят здесь же, по соседству, разделяя вместе со всем залом радость и гнев, прокатившиеся в этот день вдоль его болотных стен. Мне казалось, что старый Капитон горячо аплодирует сейчас вместе со всеми депутатами, гостями, вместе со всей страной.

Н. С. Хрущев докладывал сейчас о предстоящей отмене налогов с населения, об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами, о всемерном расширении производства товаров народного

ЛЮДЯМ, КОТОРЫЕ ПРОЖИЛИ НЕСКОЛЬКО ДЕСЯТИЛЕТИЙ, ОБЫЧНО ЕСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ, НЕСМОТРИ НА ЕЕ КРАТКОВРЕМЕННОСТЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К МИРОВОЙ ИСТОРИИ, ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ДОВООЛЬНО ОБШИРНАЯ, И В НЕЕ УКЛАДЫВАЮТСЯ ЦЕЛЫЕ ТОА ВОСПОМИНАНИЯ. В СВЯЗИ С ЭТИМ МОЖНО ТОЛЬКО ПОРАДОВАТЬСЯ, ЧТО НЕ КАЖДОМУ ДА ТАКАЯ ВОСПРОИЗВОДИТЬ СВОИ ВОСПОМИНАНИЯ В ПИСЬМЕННОМ ВИДЕ. НО ВОСПОМИНАНИЯ ЕСТЬ ВОСПОМИНАНИЯ, И ОТ НИХ НИКУДА НЕ УЙДЕШЬ. ТЕМ БОЛЕЕ, ЕСЛИ ВЫРАЗИТЬ ИХ НЕКОМУ ДАЖЕ В ГРАФИЧЕСКОМ ВИДЕ, В ДИАГРАММАХ, НАПРИМЕР. ВО ВРЕМЯ ПЕРВОМАЙСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ 1960 ГОДА НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ РАБОТНИКИ МОСКОВСКОГО РАЙОНА ОТЛИЧНО УДАЧНО ИСПОЛЬЗОВАЛИ КАЛЕНДРИ КИНОХРОНИКИ МАЙСКИХ ПРАЗДНИКОВ ПРОШЕДШЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ. ПО КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ ШЛИ ЛЮДИ ШЕСТИДЕСЯТИ ГОДОВ, И ВРЯД НА ЭКРАНЕ ТЕЛЕВИЗОРА ПОЯВИЛОСЬ ИНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ, СЛОВНО ВОСПОМИНАНИЕ О ПРОШЛОМ, ВОЗНИКШЕ У КАЖДОГО ИЗ НАС ПРИ ВЗГЛЯДЕ НА НЫНЕШНИЙ ДЕНЬ СТРАНЫ. НЕ НУЖНО БЫЛО МНОГО СЛОВ ДЛЯ ПОЯСНЕНИЯ. ОГРОМНЫЙ ПУТЬ СТРАНЫ ЯСЕН И БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ. У СТАРЫХ ЛЮДЕЙ ПО ЦЕКАМ КАТИЛСЯ СЛЕЗЫ. НЕТ, НЕ ВОМ ОНИ ШЛИ, НЕДАРОМ ТРУДИЛИСЬ, НЕДАРОМ ОТДАВАЛИ СВОИ ДУШЕВНЫЕ И ФИЗИЧЕСКИЕ СИЛЫ СТРОИТЕЛЬСТВУ НОВОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА!

ЗАДУМАННОЕ СБЫВАЕТСЯ

Анатолий СОФРОНОВ

Еще с большей силой думалось об

жизни являются деньги, существует какой-то хитрый организм, который занят только одним делом — он угадывает мои мысли. Стоит мне что-либо захотеть — он уже знает, он уже заранее готовит ограничения в виде налога. У меня бывает такое ощущение, что за каждый вздох, который я делаю, я должен платить, платить. Бесконечно, вези жизнь. Это ужасно. Да, это ужасно, но это и есть паразит, паразитирующий строй — капитализм, аппараты которого существуют на средства налогоплательщиков для того, чтобы подавить налогоплательщиков. И вот наше государство, наша социалистическая система, каждый год поднимающаяся на все более высокую ступень экономической мощи! Вот и наступил новый этап — постепенное сокращение налогов и в ближайшие названные в докладе годы полная ликвидация налогов. Глубокая забота о человеке во всем — вплоть до сближения заработной платы в ее максимуме и минимуме. Сближение — разумное, отдающее на данном этапе строительства коммунизма предпочтение тому, что больше вносит труда и способностей в фонд этого строительства.

Если бы мог видеть Владимир Ильич Ленин все, что происходит в нашей стране, все, что выросло на благодатной почве ленинизма, что задуманное сбывается, как бы он был по-человечески счастлив!

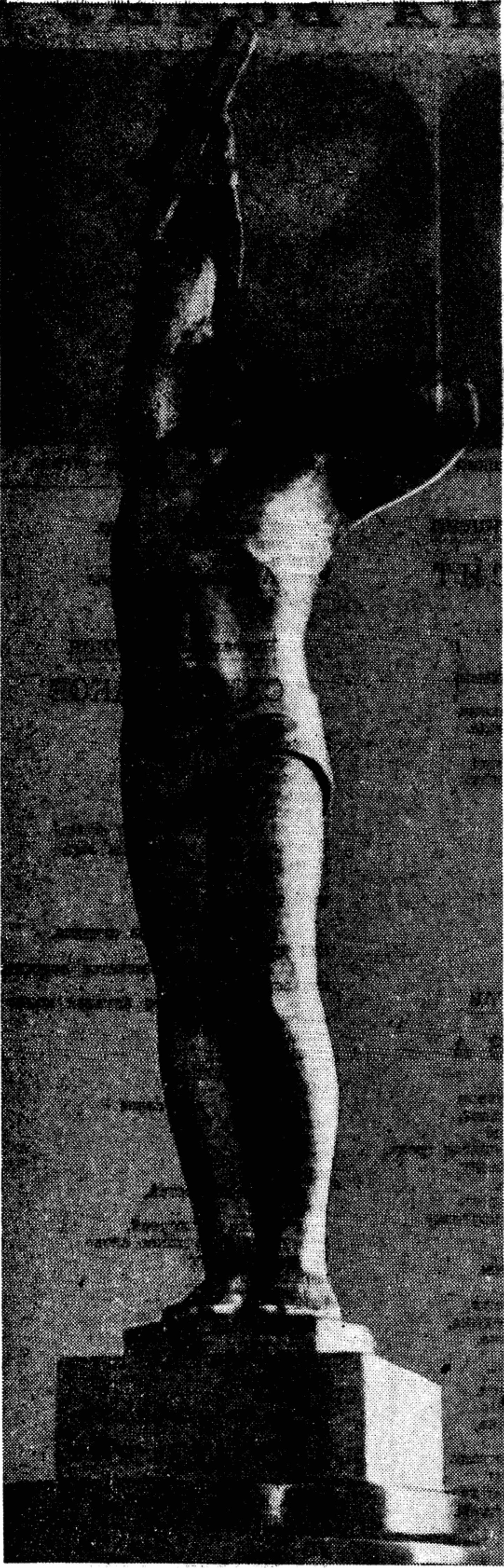
И как хорошо были сказаны встречные бурными аплодисментами слова товарища Хрущева: «Этот гигантский труд народа, эти исторические завоевания в коммунистическом строительстве и есть величайший памятник Владимиру Ильичу Ленину».

Да, мы вышли на новый исторический этап в строительстве коммунизма, который мы видим уже в конкретных явлениях.

Надо было быть в зале Большого Кремлевского дворца, когда Н. С. Хрущев рассказывал депутатам об агрессивном провокационном акте, совершенном американской военной 9 апреля и 1 мая этого года! Надо было слышать гром негодования по поводу того, что накануне совещания глав четырех правительств допущена такая бандинская выходка со стороны Соединенных Штатов Америки.

Мы терпеливый народ, мы все делаем для того, чтобы сохранить мир, и мы это делаем ради жизни миллионов людей на всем земном шаре, а совсем не потому, что мы боямся. Мы никогда не боялись своих врагов! Пусть об этом расскажут их белые истлевшие кости! Пусть те, кому следует, внимательно всмотрятся в снимки нашего вооружения, прошедшего по Красной площади 1 мая 1960 года. Мы могли и сильнее, как никогда! Но мы и как никогда, озбочены вместе с миллионами людей всей нашей планеты тем, что мир может быть повернут современным безумцами в пучину самой страшной, и даже трудно представляемой еще, войны! И вместе с этим мы понимаем и твердо уверены, что сила мира сильнее темных сил войны.

Заканчивая доклад, Никита Сергеевич сказал: «Империалисты не в силах затормозить развитие социалистических стран, уверенно идущих к светлому будущему человечества — к коммунизму». Да, не в силах! Будущее — за нами!

«ГОЛОС РАЗУМА»
М. БУТКИН [офицер Советской Армии]

Осуществление самой заветной мечты передовых людей земли всех эпох и народов о мире без оружия, без солдат стало ведущей идеей современности. Мысль эта, провозглашенная от имени советского народа Н. С. Хрущевым с трибуны Организации Объединенных Наций, нашла отклик в сердцах людей всего земного шара. Думается мне, нет для художника более важной и более заветной задачи, как запечатлеть эту идею в монументе. Мастер многих стран, в том числе и наши советские мастера, упорно ищут скульптурные воплощения этого великого призыва советского народа.

Позтому как художник не могу не поприветствовать от души то оригинальное воплощение этой идеи, которую предположил в своем эскизе монумента скульптор-самоучка молодой советский офицер Марат Буткин. Это, конечно, только эскиз, ждущий своей обработки, но уже в нем, как мне кажется, он приблизился к воплощению этой современной идеи. И мне кажется характерным, что автором этой работы является рядовой советский человек, военнослужащий Советской Армии. Мне радостно сегодня, накануне Дня Победы, отечески поприветствовать молодого скульптора, сумевшего так горячо откликнуться на зов современности.

Народный художник СССР
С. Т. КОНЕНКОВ

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ память несет в себе огромную энергию. Память прочно и четко сохраняет, бережет в себе то, чего уже нет, что прошло и было. Время старательно и ревниво формирует и отшлифовывает наш опыт.

Бывает так: ты душевно спокоен, ты в сумерках идешь по улицам, читая морские вечерние афиши, ощущая владный и пахучий ветер апреля; забько блестят асфальт на мостовой, отражая вечернее небо и прохладные, уже освещенные, как зеленые аквариумы, стеклянные троллейбусы; движется толпа людей на тротуарах, возле витрин магазинов — мир, будни, смех, тот особый несуетливый смех людей, когда в нем нет никаких слез, когда в жизни умиротворение, тишина, покой. Это стоит тот обычный, теплый вечер весны, когда в Замосворечье в сиреневой полутьме переулков начинают у ворот звенеть аккордеоны, когда вспыхивают рекламы кино и театров и в их огнях особенно ярки глаза девушек, когда в переулках по мостовой шуршат велосипедные шины и прыгают по асфальту желтые мячики света, когда от перронов, уставших от суеты вокзалов, уходит поезд в затннутую дымкой даль с мигающими фонарями стрелок...

И вдруг прощаются гудки паровозов, и вечерние облака, багрово подвешенные снизу закатом, и запахи нефти от рельсов, и дымки по горизонту, и купы деревьев за вокзальными зданиями, будто черным вырезанные по красному, — все это словно толкнет в грудь. Память... Только что ты был спокоен, теперь этот покой исчез. Еще нет цельной картины, есть лишь ощущение, горячее, как тогда... Но когда это было? Может быть, вчера?

Мохнатые зарева, просящие тьму, широко вставали на горизонте, розовый отблеск дрожит на проселочных дорогах, в зрачках солдат, идущих по обочине... Зареве ближе, разваливаются, трещат, будто выворачиваются в пламени дома, дымится сады, остро горячо пышет в лицо огнем, и везде этот огонь смерти: на брустверке уже забытых по названию городов, на окошках стенок возле подъездов, на пряжке ремня безобразно раздутого трупа немецкого солдата, лежащего на площади со странно подвнутой по голове ружью, с багровым от огня стеклом часов на запястье... Город горит, город пуст.

Мы идем сквозь этот пылающий город, сквозь этот дым. На нас дымится влажные план-палатки, дымится холки лошадей. Мы прикрываем их попонами. Мы идем на запад.
Мы выкатываем орудия на прямую наводку. Немецкие тяжелые танки, мрачно блестя в зареве броней, будто облитые кровью, медленно отходят за посадку на шоссе, поджигая окрания. Видно, как зажигательные трассы вливаются в крыши деревянных домов, как занимаются огнем эти дома.

Мы идем на запад. Мы идем на запад от Сталинграда по снежным степям, металлически скрипящим под ногами от холода и пестроты черным от воронок, по земле Украины, где помидоры имели привкус пороховой гари и немецкого тола и яблоки запекались на обуглившихся яблонях. В темные, осенние с дождем ночи мы форсировали Днепр, эту реку, озаренную ракетам, по которой плыли трупы, касаясь наших рук, наших плотов и лодок. И между боями, во время коротких затиший, на «пятачках» правобережных плацдармов лежим, греясь на осеннем солнце, видя, как в желто-золотистых лесах левобережья встает дымка разрывов, разрушая первозданный покой осени, и листья вместе с осколками летят в густо-синюю воду. Мы думаем: лучше бы в эту воду шлепнулись поплавок удачи. Потом лежим на краю окопов, черные от пороховой гари, в пропавших гимнастерках, и видим, как косяк «Юнкерсов» с тугим гулом разорачивается над переправой.

Мы идем через Полюшье: весь горизонт в кольце огня, города — в пожарах; с карнаетских высот улицы городов казались нам огненными реками, площади — пылающими озерами. Отступая, гитлеровцы хотели оставить после себя выгоревшую пустыню, безлюдные города.

Мы идем на запад. Что нас может остановить? Мы идем туда, откуда пришла война, чтобы уничтожить ее навсегда, чтобы ее не знали будущие поколения.

Мы шли в Германию долгим путем страданий, героизма и мужества, и человечество, привыкшее считать дьявольскими делами единичным, стал называть героическим весь наш народ.

Говорят, горе имеет свой запах. Война пахнет огнем, пеплом и смертью. Это запах разрушения и неестественного тепла створенных печей.

Война — это горячий пот и кровь, это после каждого боя уменьшающиеся списки у полкового писаря, это последний сухарь во взводе, разделенный на пятерых оставшихся в живых, это котелок ржавой боковой воды и последняя цыгарка, которую жадно докуривает, обжигая пальцы, наводчик, глядя на ползущие танки.

Война — это письма, которых ждут и боятся получить; и это особая обаятельная любовь к добру и особая жгучая ненависть к злу, к уничтожению и смерти; это погибшие молодые жизни, непрежизненные великие биографии, это несбывшиеся надежды, ненаписанные книги, несовершившиеся открытия, невесты, не ставшие женами.

Иногда я вижу, как дети играют в войну; в понимании детей война — это не уничтожение, не огонь, не горе, это лишь романтика и подвиги. У детей нет той памяти — опыта, который отличает их от взрослых.

Мы стали солдатами в восемнадцать лет. В войну мое поколение научилось и любить, и верить, и ненавидеть, принимать и отрицать, смеяться и плакать. Мы научились ценить то, что в силу привычки те-

Н. БИРЮКОВ

НА ТЕМНО-СЕРОМ арке с трехэтажной надстройкой — шпично-издательская надпись: «Arbeit macht frei» — работа делает свободным.

Это главный ход туда, где человеку отказывают даже в праве на имя и где он с первого же шага чувствовал, будто над ним «захлопнулась крышка гроба и осталось только заколотить ее гвоздями». Дахау! Не без содержания и ныне произносятся эти пять букв. Ежедневно прибывали сюда сотни и тысячи людей, а в час вечерней проверки число узников не менялось, ибо не знали здесь отдыха печи крематория, окрашивая по ночам небо жарким заревом и разнося далеко вокруг смрад горелого мяса, а в канцелярии картонки с номерами переставляли в ящики, обозначенные словом «Tot» — «мертвый».

«Коротко и до ужаса просто», — говорит об этом в книге, на обложке которой там, где обычно стоит имя автора, художник изобразил: 70 200.

Человек, носивший в Дахау такой номер, посвящает свою повесть...

Но сначала о самом авторе. Подчеркнуто землестный цвет лица — это первое, что бросилось мне в глаза, когда он весной 1957 года неожиданно появился в дверях моей квартиры и, отдышавшись, сказал:

— Сердце, черт бы его побрал... Рука у него была холодная и влажная.

— Товарищ Бондарец... А имя-отчество? — спросил я, когда он сел и, положив на колени папку, нерешительно задержал тонкие пальцы на петле тесемки.

— Владимир Иосифович. Вы извините, что я к вам так бесцеремонно вторгся, но это... — Бондарец развернул папку и рассеянно перелистал несколько страниц, — для меня не просто работа, и не литературные упражнения, конечно. Это, если хотите, и весь смысл моей теперешней жизни, и ее оправдание. — Он тулово каштану, отвернувшись в сторону. — Хотелось бы прочесть вам кусочек и услышать ваше мнение. Разрешите?

Я отодвинул свои бумаги.

— Пережившим адом мучения и выстоявшим посвящая эту книгу...

Скупые, но точные образы, за которыми ощущалось великодушное знание жизни, полученное не из вторых рук, — свое, прочувствованное, выстраданное. И все же... пока это был только материал, на котором досадо сказыва-

лась литературная неопытность автора. Будь передо мной другой человек, я, не задумываясь, сказал бы: «Вот какие просчеты у вас, дорогой товарищ. Надо все писать заново. Не жалейте для этого ни сил, ни времени. Просто огромным преступлением будет с вашей стороны, если не сделаете этого». Но Бондарец!

«...В окно летел ветер, колебля легкие занавески. Сливки в саду стояли, будто обсыпанные снегом, за стеной кипарисов розоватым туманом проглядывали цветущие абрикосы. Шумело море. Глухие удары прибоя о наменитый берег доносились, как отдаленные залпы пушек, и после каждого такого залпа в воздухе чудилось глубокий вздох и настороженная тишина, словно берег, еще не услышав страхнуть с себя соленые брызги и ключья пены, застыл в готовности грудью встретить новый удар.

А может быть и не берег... Скорее всего этот образ был навеян моим гостем.

И я высказал ему все, что думал. Бондарец долго молчал, потом проговорил:

— Да, конечно, это так. Спасибо! — И опять замолчал, глядя куда-то вдаль и рассеянно накручивая на палец тесемку папки.

— А вы верите, что у меня достанет сил? — перехватив мой взгляд на своих руках, он усмехнулся. — Нет, об этом я имею близкое к истине представление, я о том, что принято называть дарованием?

— Не сомневаюсь.

— Это по-честному?

— Конечно.

— Большое спасибо вам, — сказал Бондарец и поднялся. — Я сделаю это быстро, хотя бы потому... — Он махнул рукой и попрощался, а когда докопало закрылась за ним дверь, в комнату донесся надсадный кашель, будто чем-то тяжелым били в динище пустой чугунной бочки.

Через неделю я узнал, что Бондарец в ливанской больнице, а спустя три месяца его жена пришла ко мне со знакомой папкой.

— Владимир Иосифович просил передать вам новый вариант.

— Не может быть!

— Здесь первая часть. Вторую он заканчивает.

И долгие не решался раскрыть папку. Вероятно, что-то снято, что-то подправлено — не больше. Так не есть; новый вариант начинался, как и первый, символической картиной шторма. Сейчас должен быть экскурс в прошлое. Нет!

«Вражеское кольцо сомкнулось, впереди — плен: как быть? Старый подполковник Перепечай, которому «старшину» на старости лет зловеще пощипорил на себя вальшь», решает застрелиться...

— Рано! К черту! — яростно возражает ему майор Петров. — Я не хочу себя убивать. Понял?.. Обороняться до последней возможности... Но коли уж возьмуть живым, надо бороться с врагом и там, у него в тылу.

— Не знаю, может, ты и прав своему, — в раздумье отвечает подполковник, но все же поднимается и уходит за кушты, где тотчас же раздается одинокий выстрел...

Так мужественно и смело начиналось теперь это страстное повествование о мужестве, силе и величии советских людей — узников фашизма.

Без всяких оговорок я рекомендовал книгу издательству «Молодая гвардия». Ею заинтересовался и «Новый мир».

И вот она вышла — в дни, когда страница мировой прессы не сходилась фото четырех советских воинов. То, о чем рассказывается в «Военнопленных», имеет все права стать рядом с этим невиданным дрейфом, только автор книги и его боевые друзья, вероятно, не колеблясь, поменяли бы свое оружие на любой океанский шторм, на любую схватку с природными стихиями.

Шли, подгоняемые ударами прикладов, и над ними, «взвоята тысячами ног», висела пыль «в недвижном воздухе душноватом облаком», выныскавшая из себя падали, и тогда «бухали винтовочные выстрелы».

Вот уже не грейдер под ногами, а пол вагона, одною легче ли это? «Казалось невероятным, что в маленькие двухосные вагончики немцы собираются втиснуть по шестьдесят че-

ловек. Но втиснули. Приклады помощи. ...На второй день мажда стала непереносимой. Совсем закрывала доступ воздуху, в окнах беспрерывно торчали головы. На столяках стонали-плакали окрихшие голоса.

— Ва-а-асер... Ва-а-асер... — А впереди его много дней пути, много смертей... Лето, осень, белым холстом прикрыла землю зима... — «дрейф» продолжался.

Путь — лагерь, путь — лагерь: Проскурово, Владимир-Вольнык, Нюрнберг, Вольфат, Лодзь, Моосбург...

Дрейф? Да. Для одних это было только смертым дрейфом по страшной дороге смерти, для других — борьба.

— Да знаете ли вы сами, какие вы люди? — потресно спросил героев океанского дрейфа один из иностранных корреспондентов и услышал в ответ:

«Обыкновенные. Советские! Люди, которые на фашистское «стать на колени» отвечали непреклонным «нет», были тоже обыкновенными, советскими и тоже не забывали ни на мгновение, что они воины Советской Армии.

Спасая товарищей, ослабевших физически, они отдавали им свои пайки, а сами приклеивали хлебные крошки к раскаленным стенкам печи и вдыхали в себя этот запах; к тем, кто падал духом, вовремя приходило ободряющее слово надежды. Были и листовники, и сводки Совинформбюро... Мыслилось не только выстоять, — самим перейти в атаку. Подпольные организации возникали, гибли и вновь возникали. Протягивались ниточки связей от лагеря к лагерю, к немецким антифашистам, выковывывалось в вихре разгула фашистской смерти звено за звеном БСВ — Братское сотрудничество военнопленных. Ядром этой организации узников фашизма были советские военнопленные. Это им предстояло «сыграть основную роль в освобождении заключенных из концлагерей и тюрем, в овладении монастырским гарнизоном и военными объектами». И дальше из Мюнхена восстание должно было перекинуться на другие города Германии и оккупированных ею стран. Одним из организаторов подготовки этого несостоявшегося — из-за предательства восстания был и автор «Военнопленных».

Бондарец! Помните, я и без тревоги ожидал его к себе, когда он позвонил и сообщил: — Сегодня выписываюсь из больницы, завтра буду у вас. Но он вошел посвежевший; с веселой молодой улыбкой. И хотя лицо было бледно, землестный оттенок сошел с него и губы порозовели: посрамленные недуги отступили еще раз от этого крестина.

В вышнотой украинской рубашке ходил он в эти дни по берегу моря с фотоаппаратом и этюдником.

Кисть его выписывала на холсте застывшую дымкой силуэты гор, а брови хмурились: много «белых пятен!» Не на холсте, в материалах... Да и с написанной книгой было не все в порядке благополучно. В издательстве слишком медленно шла редакция, а в журнале сменилась редколлегия, новые люди — новые требования. Это тоже нервировало.

Осень того года в Южнобережье стояла на редкость теплая, и Владимир Иосифович поехал работать в тихое селение Рыбачье, раскинувшееся на самом берегу, по соседству с Алуштой, но спустя несколько дней неожиданно вернулся:

— Бду в Москву!

(Окончание на 4-й стр.)

Н. КОРЖАВИН

ПАРАД ВЕТЕРАНОВ В КЕЛЬНЕ (ФРГ)

Мы живем на земле — нераздельной, усталой, ираненной.

Друг от друга страдаем, нуждаемся хоть в капле тепла... Я пишу не затем, чтоб свести свои счефы с Германией и найти в ней причину «всемирного, вечного зла»...

Всероссийские? Нет!

Это слишком еще не история. Это своя рана, что в душе поныне жива.

В лагерях еще слышны развалины крематориев, в Бабьем Яре густая и жирная всходит трава...

Берет реванш воинственная муза — Проходит съезд солдатского союза. А на экране, напяля губы, С усердием ветераны дуют в трубы.

Как их волнует строй и марш солдатский! Как скучно им стоять в одежде штатской!

Как друг на друга все они похижи... И даже генерал, он в штатском тоже. Она в Крыму и в Африке бывала, И шлы вперед, как танки, Как моторы. Не отличая славы от позора...

Она в плохое время выросла. С начальных классов думать перестала.

И поклонялась в жизни только силе. Но силу ломит сила. Их разбили.

Они терпели голову вначале, Что «Гитлеру капут», они кричали. И руки вверх — охотно — поднимали.

Презренье с чувством долга принимали.

И кланялись, и позлажи... Но только В них не было раскаяния нисколько. А было то же поклоенное сиде — Ведь не они разбили, Их разбили.

Прошла разруха. Кончилась усталость. И вот стоят. Они в живых остались. Стоят в строю, и их волнует это, У них других воспоминаний нету.

Забывте все. Промедле — прекрасно. Они тупы. Они опять опрески. Они в плохое время выросли. С начальных классов думать перестали.

Им эти трубы силу обещают. Им эти трубы юность возвращают. И, как в былые дни, горят их взоры, Не отличая славы от позора.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 54 7 мая 1960 г. 3

СЕГОДНЯ — ДЕНЬ РАДИО РАЗГОВАРИВАЯ С МИЛЛИОНАМИ...

«Н ЕЛЬЗЯ было жить, не слушая радио. Радио оповещало, сигнализировало, руководило нами, связывая родных и близких. «Голос», пронзающий «Говорит Москва», привлекал внимание, он успокаивал, вселял надежду, его слушали за много тысяч километров, по всей стране. «Говорит Москва» — слушали на фронте. «Говорит Москва» — слушали партизаны в лесах. «Говорит Москва» — слушали в госпиталах. «Говорит Москва» — слушали в осажденном Ленинграде. Это был голос с «большой земли».

Слушая радио в дни войны, я невольно вспоминал слова поэта Велемира Хлебникова: «Кажется, что какой-то великан читает великанскую книгу дня».

Так писал о радио в военную пору замечательный советский артист Владимир Яхонтов. Еще большее место заняло радио в жизни современного человека.

28 миллионов радиоточек, 25 миллионов радиоприемников, приобретенных только за послевоенные годы. И ведь еще эти «точечки» и приемники живут, они беседуют со своими владельцами, дают им возможность услышать дыхание мира, гигантскую поступь нашего общества, строящего коммунизм.

Радио настолько вошло в наш повседневный быт, что нельзя даже представить, как мы могли бы без него существовать.

Ленин называл радио «газетой без бумаги и без расстойки». И в самом деле, радио — оперативнейший источник информации, не связанный сложным процессом печати и перевозки. И самое главное, в условиях нашего общества — это действующее средство коммунистического воспитания

«Последних известях» об успехах нефтяников. — во всех этих совершенно различных по материалу, по форме передачи часто сталкиваемся с одним и тем же каноническим текстом и приемом. Сначала диктор торжественно сообщает о показателях, затем раздается шум мотора (или визг поросат), дождливый показател, что репортаж идет непосредственно с места происшествия; затем репортаж наигранно-непринужденным тоном задает один и те же вопросы, а «виновник торжества» явно по бумажке произносит заранее приготовленные ответы.

Как часто еще передачи, посвященные актуальным проблемам нашей жизни, захлестывают поток эмпирических, ни с чем не связанных фактов, цифр, наблюдений. А с другой стороны, здесь же, рядом звучат беседы и передачи, начисто лишённые живых, конкретных примеров, составленные целиком из наукообразных, общих рассуждений.

Неуменно связать конкретное с общим, на материале отдельных фактов показать глубокие закономерности нашей действительности — серьезная беда многих передач.

Радио разговаривает с миллионами. Но в то же время оно беседует с каждым из этих миллионов слушателей в отдельности. Поэтому здесь особенно важна задушевность интонации, ощущение, что разговор идет с глазу на глаз, атмосфера непринужденности, которая обычно возникает при встрече хорошо знакомых людей. И тут еще один немаловажный изыск в работе радио и телевидения. У нас почти нет известных, пользующихся авторитетом и любовью слушателей радиокомментаторов, которые выступали бы регулярно изо дня в день по различным вопросам межгосударственной и внутренней жизни, науки, искусства. А не в том ли одна из причин успеха таких спортивных комментаторов, как В. Синявский и Н. Озеров, что они выступают постоянно, что народ их знает, привык к ним?

А у нас несомненно, есть талантливые писатели и журналисты, которые могли бы постоянно и интересно раз-

говаривать на радио и телевидении. В этом убеждает успех целого ряда недавних выступлений радиокомментаторов с рассказами о последних достижениях в науке, промышленности, литературе и искусстве.

На радио и телевидении должен утвердиться дух эксперимента, поиска новых форм передач. И здесь необходимо внимательно отнестись к пожеланиям слушателей, чаще организовывать передачи по их запросам, серьезно анализировать причины успеха или неуспеха у миллионной аудитории той или иной передачи. Подобная постоянная связь со слушателями и зрителями особенно важна в таком тонком и важном деле, как эстетическое воспитание трудящихся.

Радостно отметить, что у радио здесь есть уже определенные достижения. Народный радиопрофсоюз культуры, открывшийся в сентябре 1959 года, уже завоевал расположение многих. Достаточно сказать, что циклы его передач, посвященные литературе и искусству, слушаются во многих местах целыми коллективами. Отрадно отметить и то, что ряд литераторов стали энтузиастами этого радиопрофсоюза.

В постановлении ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» говорилось о необходимости «активнее использовать идейное и эмоциональное воздействие лучших произведений художественной литературы и искусства в целях повышения воспитательной роли, популярности и действенности пропагандистской работы».

Какая огромная ответственность ложится здесь на плечи работников радио и телевидения и какие широкие перспективы открываются перед ними! Радио и телевидение дают возможность донести лучшие произведения советской литературы и искусства до миллионов, познакомить их с выдающимися творениями поэмы, поэзии, театра, кино, музыки. Вспоминается,

как жадно слушали все мы новые главы «Молодой гвардии» А. Фадеева или «Поднятой целины» М. Шолохова, которые читались буквально с листа тут же, по появлении их в очередном номере газеты или журнала. Мы знаем, с каким напряжением слушают в самых отдаленных уголках нашей Родины голоса замечательных артистов, выступающих в классических советских спектаклях.

Но радио, так же как и телевидение, не может и не должно превратиться только в посредника между театром, кино и зрительями, слушателями. У них есть свои собственные художественные средства воздействия, возможность создавать оригинальные радио- и телепередачи. Здесь есть уже определенные достижения; в частности, весьма интересно работает редакция радиовещания для детей и юношества, создавая ряд талантливых радиопостановок по произведениям А. Гайдара, только за последние время выпустившая ряд интересных по форме, взволновавших слушателей передач на современные темы.

Но так ли много мы можем назвать радио- и телепередач, завоевавших популярность? И надо прямо сказать, что немало упреков здесь нужно отнести к писателям. Несмотря на многочисленные заседания и заверения, наши ведущие литераторы, за редкими исключениями, мало и неохотно откликаются на призывы радиовещания и телевидения. А ведь задачи, намеченные постановлением ЦК КПСС «Об улучшении советского радиовещания и дальнейшем развитии телевидения», должны решаться не только те, кто непосредственно работает на радио и телевидении, а каждый литератор, каждый работник искусства.

С каждым днем радио и телевидение играют все большую роль в жизни нашего народа. Они являются важнейшим орудием коммунистической идеологии, средством культурного и эстетического воспитания. И нужно сделать все, чтобы каждая передача духовно обогащала массы и чувства наших людей.

НА РЕЙХСТАГ!

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Борис Горбатов с юных лет носил военную шинель. Он служил в армии в горах Кавказа, участвовал в боях под Вуокса-вирта на линии Маннергейма, была в разведке в дни освободительного похода в Западную Белоруссию, наконец, с первого дня Великой Отечественной войны — до его последнего дня — до момента капитуляции Германии — находился на фронте, в воинских частях, в гуще солдатской жизни.

И вот передо мной лежит записная книжка в кожаном переплете — «Tagebuch». Она набрана в одном из ящиков письменного стола писателя. В ней с поразительной точностью — мелким торжественным почерком — описаны события 28, 29, 30 апреля, дней штурма Рейхстага.

Гитлеровский гарнизон сражался на площадке между Рейхстагом, Бранденбургскими воротами, Имперской канцелярией и Тиргартеном. Все здания были превращены в крепости. За каждое из них шел ожесточенный бой. Командиры так и говорили: «Идут бой за белый дом, за красный дом, за черный дом».

Бои тогда шли не только за дома, но за мосты, каналы, за этажи в домах. Военные корреспонденты находились на наблюдательном пункте генерала Переверткина, корпус которого штурмовал Рейхстаг. Мы записывали каждую новость, ловили телефонные разговоры генерала, жадно впитывая детали великой битвы. Но Борису, видимо, этого было недостаточно, он по-любовному пошел к соседнему дому, что был ближе к линии фронта.

Затем стало известно, что Борис Горбатов побывал на НП дивизии Шоттлова и пробыл в подпольном помещении «черного дома» — канцелярии Гимmlера, где располагался наблюдательный пункт командиров полков Зинченко и Плехаданов. Это в 250 метрах от Рейхстага.

Горбатов видел своими глазами решающие часы битвы за Рейхстаг. В книжке много непонятного и разрозненного, но она полна фактов, микроразводов, микрохарактеристик, из которых рисуеться большая картина воинского подвига. Писатель стенографически записал бой. Эта стенограмма могла бы послужить основой для будущего романа, который он задумал давно. Кто знает, может быть, в поступках майора Гладких и капитана Неустроева он уже увидывал действия героев своего романа «Добласс».

Борьба за мост

Подшли к мосту Мольте. Нужно занять мост, не дать взорвать. Полку Зинченко приказано выбросить батальон Степана Неустроева. Клименково — быстро переправиться и занять дом на той стороне. Противник не уступал дальше. Борьба за мост через Шлях-парашютисты — 400—600 человек! В ночь с 28 на 29 апреля новая контратака. Артиллерия не подполза, невозможно — сильный огонь.

В ночь с 29 на 30 апреля Плехаданов: отбить канцелярию Гимmlера здание, которое прикрывало подступы к Рейхстагу. Переворачивать артиллерию, самоходки. К рассвету они отбили пять танков, две самоходки, 10 пушек.

Зинченко взаимодействовал с Плехадановым. В 13 часов началось. В 13 часов 30 минут пехота пошла на штурм. Канал метров 25—30. Огонь. Штурм.

Степан Неустроев рассказывал: — До реки 66 метров. Попробую с хода. Две пушки лейтенанта Сорочкина, две гаубицы. Дали артилет. Бой шел. Немеческие танки и самоходки не давали хода. Рукопашный бой за мостом. На плечах валились в подвал «Белого дома». Если лежишь — погиб! Все бегом! Панкратов взял пленного. Взвод ПТР — лейтенант Козлов — стал стрелять и создал дыр.

— Овладейте «Красным домом!» Панкратов ранен. Красноармеец Гусев убит. Николай Барковский ни назад, ни вперед. Дай поддержку! Хоть дым пусти. Дым, пыль, бегом! И ворвались в дом.

Петр Щербина — комсомолец, боец. От баррикады по-пластунски до обрыва. Быстро! Лестница взорвана. Мы прошли по берегу несколько метров. Немцы вел огонь по баррикадам. Мы по берегу, а Щербина у баррикады.

— За баррикадой наши. Беги! — кричим. — Там наши есть.

— Раз наши есть, значит можно бежать, вперед! На полном газу.

Через мост бить по канцелярии Гимmlера!

Пришел Плехаданов. Он обеспечивал фронт дивизии. Район знает, но в нем сидят немцы. Жгли дома, выбивали, очищали. Командир дивизии необычно сухо: — Будет чудо, если возьмем Рейхстаг! Гору берешь — чудо, ручеек — чудо! Два артиллерийских полка были даны мне, танковая бригада и полк самоходных орудий. Большая сила. Очистить канцелярию Гимmlера, прикрывающую подход к Рейхстагу. Дали залп РС по дому. Давыдов в доме Гимmlера, а Логвиненко вел бой по очищению домов...

10 час 20 минут.

Отбиваясь откудова от батареи со второго этажа была, истреблена немцев. Давыдов. Разведка. Ночь с 29 на 30 апреля. Встретился с Неустроевым. Повели батальон в обход здания. Без артиллерии. К рассвету вышли на 2-й этаж (здание Гимmlера) в угловой зал.

Визу черные стелы Рейхстага. В здании Гимmlера идет гранатный бой, и рукопашный — в подвале, волье стел... Все на карте подходит. Рейхстаг ли? Героический танк! № 122. Бригада Морозова. На руках бойцы Давыдова несли боеприпасы... Убит в самое сердце. Задача по второму этажу: перебежки через двери. Немеческая артиллерия в парке. Во дворе дома взездход с боеприпасами. Немцы были в машину боеприпасов. В подвале дома — стальные люки. Бой за люки. Два пулемета в окнах бьют по артиллерийской прислуге у пушек

Теперь? Когда радио приносит вести о наступлении резкого похолодания в столице, о северных ветрах, дождах и снеге?

— Кстати, и дела с книгой там выясно.

— А разве вы не только из-за книги?

— Да нет же, — улыбнулся Бондарец, — в Москву съезжаются бывшие военнослужащие. Понимаете, конечно, что это такое для меня! — Он потер рукой о руку, а глаза его были уже там, на улицах столицы, в кругу тех, кто выстоял все «адовы мучения».

Уехал Бондарец на другой день. А спустя три недели я не узнал его голоса.

— Бондарец говорит, — отчетливее прозвучало в трубке, — Здравствуй, дорогой. Что со мной? Да так... небольшие путевые издержки — кровь горлом пошла. Но это пустяки. Вы слышите меня?

Отругать как следует — слишком поздно, помочь — чем? — Вам нельзя, наверное, говорить?

— Пустяки. Должен же я отрапортовать о прибытии. Интересно было! А кровь... Это — уже случалось. Огнелюкс несколько дней и... Эх, черт! — проговорил он, сдерживая кашель; мне показалось, что-то хлюпнуло в трубке.

— Владимир Иосифович!

— Пока, Николай Зотович, до скорой встречи.

Пришел он через неделю и еще от порога, будто оправдываясь, сказал:

— Климат же... шут бы его побрал, — а в глазах смешилка задора: «говорил, мол, что все это прелесть!»

Сел и оживленно доложил о положении своих дел в издательстве и журнале, а рассказ о встрече оборвал вдруг на полуслове:

— Знаете, какое дело... Я, кажется, в Берлин поеду.

— Куда-а?

— В Берлин. — И, предупреждая возможность моих возражений, он горячо воскликнул: — Риск? Да никакого риска! Я же не осеью поеду и не зимой. Ну, может, чуть и рискованно, но ведь нужно. Там и архивы гестапо, и живые люди.

Вскоре я узнал, что он уже обратился в Союз писателей Украины с ходатайством о поддержке, но ответа пока не было.

Шут с ними, — сказал Владимир Иосифович в адрес Союза писателей. — Подучу гонимых за книгу и поеду.

Книга... Как ждал он ее! И вот она в витринах и полках книжных магазинов — во всех наших республиках: «Молодая гвардия» выпущена в трех томах для первого издания тиражом — 160 тысяч экземпляров.

«В. Бондарец. «Военнопленные» — это на коренках переплетено, а в книжке... Владимира Бондаря уже нет. Больше четырех месяцев длится его последний поединок со Смертью, союзницами которой на этот раз были два восстания легких — одно за другим. «История болезни» запечатлела следы этого битвы скупой и не во всем точно. О туберкулезе в ней сказано: «обнаружен в 1948 году». «Обнаружен», а начнется? В дрейфе из лагеря в лагерь? В ледяном карцере? Или в лазарете среди харьковских кровью людей? Но если и в эти «лазаретные дни» «выдюжить» организм, тогда уж, несомненно, в Дахау.

Гестаповцы, возмущавшие следствие по делу БСВ, были немощными. Великий и гостеприимный жест — ласковая интонация в голосе, и тогда же рычание зверя, каскад яростной брани и приказ «огромному рыжему дельтине»:

— Обрабатай этого ценка!

«Голова, казалось, разлетелась от страшного удара сверху, — читаем мы в «Военнопленных». — Стальная лапа подняла меня с пола за голю, и от следующего удара под ребра я полетел

нал. Лбами землю пахали. Повисли на руках. Через канал лежали рельсы — трубы водопроводные. По ним поползли. Окопались. Снаряд ударил, меня присыпало, другим снарядом сыяло с меня землю. Сержант Танков и сержант Лосенков дервыми бросились. Мы за ними. Танков открыл дверь. Мы за ним. Бой в Рейхстаге. Неизвестно, кто откуда бьет. Здание горит. Задыхаемся от дыма.

Лейтенант Минаков — командир минометной батареи, придан Неустроеву, рассказывал:

— Шли вместе с Неустроевым. Нам достался 4-й этаж. Убили раненца Бобрышева — замечательный парень — снайпер. Второго раненца Колмыкова ранило в руку. Вытаскивать ранию взялся красноармеец Набев. Антену достал из кармана убитого. Трудно было пробраться, а не то чтобы вытащить ранию. Связались с базарей. Произвожу пристрежку. Удержат Рейхстаг еще труднее. Пулеметчик Середа — лучший пулеметчик. Молодой, как девушка, румяный.

Петров сидел на 3-м этаже. На него контратака немцев. Огневой палет с восточной части здания. Бросали фаустпатроны. Размахивались и бросали их как гранаты из подвалов. — в потолок прямо через перекрытие, — зажигательными снарядами, чтобы поджечь северную часть Рейхстага. Роте Сынова пришлось выйти. Лейтенант Герасимов — остался. Группа Петрова все время вела бой. Они держали немцев в северной части Рейхстага. Часть бойцов сгорела в огне, но не ушла. Это новое пополнение. Стойко дрались.

Капитан Лебедев, Василий Александрович. 1905 г. Саратовец, из запаса, юриконсульт, Владивосток, типография № 1.

Рейхстаг виден. Но Рейхстаг ли — одни черные стены. Купол...

Вот Рейхстаг! — показал бойцам. Началась артподготовка. Двадцать минут взрывались. Пехота к броску. Огонь по Рейхстагу: по аэраурам, по окнам, по щелям, по дырам, проломам.

Ст. лейтенант Гутин, Марк Наумович, Ленинградец, на текстильной фабрике, за Невской заставой, Ткацкий подмастер.

— На руках вытаскивал пушку, поставили у ворот дома Гимmlера. Работал пулемет в 30 метрах от пушки из 3-го этажа дома. Чесал ушью. Он (немцы) пушку поразить не мог. Три снаряда по 3-му этажу, и все кончено с пулеметом. Потом подошла самоходка. Пушка наша вышла из строя. Выкатили вторую — Бердикува. И стреляли по Рейхстагу. Пушка упирается в стену, все — прямой наводкой.

Мл. лейтенант Яковлев, Командир огневой звена. Смоленск. С марта 1948 г. Десятилетка — артиллерия. Молодецкий офицер, чем-то похожий на Петю Ростова. Вихаристый. В галопе по мосту через Шпрее. Выдвинули пушки к Рейхстагу. Работая артиллерией. Дворы, переулки. Дербунку перебило ногу. На санитарных собаках увезли его. Сам стал три выстрела. Приподнятое настроение.

За командира полка остался майор Шаталов.

— Хлеба не надо, давай гранаты! — Торжественный бой. Конкуренция между батальонами. Сами солдаты рвались. «Самодельность» надо прекратить.

«Пробегу, воткну флаг!» Рука с флажком застыла, вся в крови.

Все в движении... И мертвый туда!

На каждом этаже группа.

Сделали баррикаду — соседняя комната. Остались на лестнице. Неустроев через дырку кричит:

— Спустились по лестнице в дыру и держите под огнем. Немцы не пройдут. Комната прогорела. Снова вернулись. Дым, пепел. На четвереньках ползли по переходам. Бой в огне.

В 12 часов дня. Струдились в фойе.

У противника фауст-патроны кончились. Выхода нет.

Радиоперехват — капитуляция!

1 Речь, видимо, идет о восточных мотрянах, которых Гитлер срочно вызвал для обороны Рейхстага. (Ред.)

2 В Тиргартене была расположена немеческая артиллерия. (Ред.)

3 В дни штурма Рейхстага, помимо знамен, которые водружались на куполе здания, были и флажки, с которыми шли в атаку солдаты, сержанты и офицеры. (Ред.)

4 Речь идет о колоннах главного фасада Рейхстага. (Ред.)

ОНИ УШЛИ НА ВОЙНУ

Всеволод БАГРИЦКИЙ Павел КОГАН Михаил КУЛЬЧИЦКИЙ Николай МАЙОРОВ Николай ОТРАДА

ОДЕССИТ

В Москве, в Центральном Доме литераторов, вот уже много лет висит марморовая доска, на которой золотом выгравирована имена писателей-москвичей, павших смертью храбрых в годы Отечественной войны. Это персе, что видит посетитель, поднимаясь по лестнице в читальню, здесь перечислено более семидесяти имен.

Но мы напрасно будем искать на этой доске имена тех поэтов, чьи стихи публикуются сегодня в «Литературной газете». За исключением Всеволода Багрицкого, мы не найдем ни одного. Это произошло потому, что Николай Майоров, Павел Коган, Николай Отрада, Михаил Кульчицкий на то время не успели еще стать членами Союза писателей, они не напечатали ничего или почти ничего из своих произведений. Они жили в армии и на фронт прямо из вузовских аудиторий, а в Москве оставили на своем столе всего только несколько ближайших друзей-сверстников. Их дарования не успели раскрыться. Входя в жизнь, они привносили свои голоса, набирали на листах черновых тетрадей строфы стихов, искали себя в богатой, бурной и сложной тематике предвоенных лет. Они были разными: разной одаренности, разного кругозора, разной начитанности. Только возраст у них был одинаков.

Вот чем объединены эти пять поэтов и чем обобщена публикация их стихов сегодня, когда исполняется пятнадцать лет со Дня Победы.

Мы вспоминаем один из дней еще до начала Отечественной войны, когда, только что вернувшись с Карельского побережья, Михаил Луконин впервые пришел на вечер в аудиторию МГУ своих замечательных стихотворцев «Ноль Отрада». Смакнув со лба черную вихор, судорожно вынул из кармана и тут же в голосом бросил в аудиторию строки:

«А если бы в марте, тогда, мы поменялись местами, — Очень многие из нас могли бы повторить сегодня лунинские слова в применении к самому себе и к одному из близких, ушедших навсегда в те суровые годы».

На семинаре в Литинституте, которым руководил перед самой войной, часто появлялся в качестве гостя студент-историк, археолог и неформальный, серьезный Николай Майоров. Стихи его полагали чувством глубокой связи с прошлым русской земли, с веками борьбы и труда русского рабочего и крестьянина. Майоров был не только одаренным поэтом, он был прирожденным историком, археологом и в нем углубился исследовательский интерес к нашей вневой старине.

Если я могу здесь вспомнить о Николае Луконине, то Сельвинский дополнил бы меня воспоминаниями о Павле Когане, Случай — о своем земляке и друге Михаилом Луконине. Луконин, как уже сказано, — о Николае Отраде.

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вставай под окнами солнца, вольный, Я знаю: ты с честием провою рожден. Ты встал на пороге веселых времен! Так писал в середине двадцатых годов, обращаясь к своему единственному материальному сыну Севае, Захару Бондарю. Сева вырос без отца. Правда этих четырех слов очень условна и относительно. Потому что было два и часа в юной жизни Всеволода, когда он действительно был без отца. Память об отце соприкоснулась его всюду и везде: когда он прощал свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Вот еще одно воспоминание: «В пестрой утол, где от печки темно, Как лодка, выливает провотка, И я подожу свой сейт и затерю свой Собак, зараненных бессонницей: — Вставай же, Всеволод, и всем

Ты слезы вытерла с лица. Так мир устроен — Дым и ветер, Размах и ясность до конца.

Михаил КУЛЬЧИЦКИЙ

САМОЕ ТАКОЕ

Помнишь с детства — рисунок: железные пути человек сшибает с земшара грудью! Только советская нация будет! И только советской расы люди! И мы поднимаем голос,

чтоб так разрасталась наша отчизна, как зерно, в котором прячется поросль, как зерно, из которого начался колос

высокого коммунизма. И пусть тогда на язык людей — веспонятный — как слава — веспонятный снова

падает русское до костей, советское до корней, мое украинское тихое слово. И пусть войдут и в семью, и в плакат слова,

как «зшитое» (коль сшита кина), как травень в травах, як линешь в ликах, тай ще як блакитные облака.

О как, я девушка русских «прохаю» говорить любимым губы в губы

закрывающиеся «кохаю» и понятнейшее слово «любий», и за то, чтоб, как в русские в небеса французская девушка смотрела б спокойно, — согласился б ни строчки в жисть не писать!

А потом взял бы и написал тако-о-ое...

Николай МАЙОРОВ

ПЕСНЯ

Ее сложил маляр, а впрочем, Она, быть может, потому что в пустой отдушина нечи. Что за нее вли в тюрьму. Матросы взяли песню эту И из своей родной земли, Бродя волной морской по свету, В чужую землю завезли.

А тот маляр потом был сослан. Бежал. На озере одном Он пойман был, привязан к веслам И вместе с лодкой шел на дно, И умирая вспоминал, видно, Свой край, и песню, и женьу... Такую песню петь не стыдно, Коль за нее идут ко ду.

ИЗБА

Косая. Лапаны в забор Стоят. И сруб основной воеет, Когда ветра в нутро глухое Заглянуть, злобствуя, в упор. Кругом — безлюдье. Хоть кричи! Стоят, как на дороге нищий.

И тараканы стаяй рывнут В пустой отдушина нечи. Метели подползают ближе. И вдруг рванут из-под плетня, Холодным языком обжигут В хлевку хозяйского коня.

А сам хозяин бледнолицый, Окутан кем-то в белый холст, Лежит в гробу на полювках — В окамененье прям и прост. Здесь, по соседству с белым гробом, В ногах застывших мертвеца, Заполночь я родился, чтобы Проклясть мертвого отца.

Чуть брезжил свет в разбитых окнах. Вставал заносенный до дыр, Как сруб, глухой и душный мир, Который был отцами проклят, А нами перевернут был.

Николай ОТРАДА

ПОЧТИ ИЗ МОЕГО ДЕТСТВА

Я помню сад. Кружные листья враных Да пеньте птиц, сведенное на ист. Где детство — словно яблоки

и никогда — не яблоко раяет... Оно любило петь и веселиться. И влзкок не жалеть голосовых... Бывало, помню, крылья у синиц Мы сранивали с крыльями совь; И небо синее с водю рек сверял, Глядели долго в темную реку, И никому ни в чем не доверял, Мы даже брали листья трав на вкус... Мир яблоком, созревшим на окошке, Казался нам...

На вышуклых боках — Где Родина — там красный цвет от солнца, А остальное — зелено пока. Август 1939 г.

Встреча с Хемингуэем

Я ДУМАЮ, что достаточно характерно, как Эрнест Хемингуэй определил новый режим в стране. Он сказал по-хемингуэевски кратко, но выразительно: «Это первое честное правительство в истории Кубы, первое правительство, которое видит свою цель в служении народу».

На глазах Хемингуэя сменилось несколько правительств Кубы. — Все прежние правительства, — говорит он, — не успев прийти к власти, начинали использовать ее для обогащения — собственного и своего окружения, — притом какие ничтожности! Наполеон и его маршалы добились высокого положения тем, что выигрывали большие сражения, проявляли свои таланты и способности. А тут какой-то сержант берет в руки власть, не одержав никаких побед и не имея никаких талантов, кроме знания топографии.

Писатель имел в виду Батисту, который начал свою карьеру штабным писарем. Мы посетили Хемингуэя в его доме в пригороде Гаваны, где он проводит большую часть времени уже около двадцати лет. Можно было ожидать, что живой классик будет выглядеть торжественным и серьезным. Однако он оказался на редкость непосредственным, живым и веселым человеком, который несколько иронически относится к тому, что его считают великим писателем, и уж ведет себя во всяком случае не как великий. Возможно, это и есть особенность подлинного величия?

Дом Хемингуэя стоит на холме, окруженном небольшим парком с высокими деревьями. На воротах висит объявление, из которого становится ясным, что Хемингуэй редко урывает время для приема посетителей. Пять-шесть комнат этого уютного дома полны солнечного света, который свободно проникает через большие окна. Во всех комнатах множество различных охотничьих трофеев. Жена писателя, Мари, пожилая женщина с молодым характером, очень наглядно показывала, как она убила огромного льва в Африке. Шкура этого льва украшает стену одной из комнат.

В гостиной и столовой висит несколько картин. Две или три — работы старых мастеров. Мне особенно понравились два импрессионистских полотна, изображающих коридоры — бой быков. Прекрасная гамма красок, матадор и бык — в движении, в отчаянной схватке не на жизнь, а на смерть. К сожалению, я не помню фамилии художника, которого назвала хозяйка. Мари Хемингуэй страстно любит живопись и больше всего в доме (исключая, пожалуй, только шкуру льва) гордится своими картинами.

Картина галерея — это первое, что я заметил, приехав в какую-либо столицу: Париж или Мадрид, Лондон или Рим.

А. И. Микоян не мог, конечно, этого знать, но словно предвидел, подарив Мари Хемингуэй альбом с репродукциями картин ленинградского Эрмитажа.

Супруги Хемингуэй очень заинтересовались и другими подарками, например озвученной моделью «спутника». Особенно позабавила их русская народная игрушка кустарного производства — «матрешка» — пять «матрешек» разного размера, одна в другой.

Мы привезли писателю и русскую водку. Но с удивлением увидели, что среди приготовленных для угощения бутылок уже стоит такая же. — Несколько дней назад я узнал, что в Гаване ваш композитор Арам Хачатурян, и пригласил его к себе. Я очень люблю его музыку. И сам он, как и его жена Нина Макарова мне очень понравились. Они пообедали с нами, у нас был очень интересный разговор. Хачатурян-то и оставил мне эту бутылку водки.

И обращаясь к представителю Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами Алексею, который присутствовал и охрип, Хемингуэй сказал: — И вы не знаете, как лечить горло? Я вам сейчас покажу!

Хлебнув водки, он чуть не целую минуту поласкал ею горло, выводя сложные рулады. Писатель показал нам свое рабочее место. К великому удивлению, мы обнаружили, что вместо стола ему служат небольшие полки, стоящие у стены в спальне. Кстати, даже на кровати было разбросано полтора десятка книг. Хемингуэй пишет стоя. «Чтобы не засыхиваться», — объяснил он.

Мы поднялись на башню, которую Мари Хемингуэй замислила и спроектировала как рабочее место мужа. Я думала извинить его от того шума, который я создаю в доме — разговором, посудой или пылесосом. И что бы вы думали? Он здесь никогда не работает. Мы поднимаемся на башню только для того, чтобы полюбоваться видом на Гавану. Вот посмотрите: в той стороне даже видно море.

Хемингуэй показал нам свою библиотеку. Книжные стеллажи расположены у него в разных комнатах, в том числе и в знаменитой башне. Значительную часть книг составляют его собственные произведения, переведенные на многие языки и изданные в разных странах. К нашему удивлению, из русских изданий у него была только повесть «Старик и море», присланная ему с теплохода «Ангара» советским писателем Н. Н. Михайловым. Н. Н. Михайлов оказался более внимательным, чем те наши издательства, которые в последнее время большие тиражи издают книги Хемингуэя. Например, незалого до нашего отъезда из Москвы вышел двухтомник, который мы имели удовольствие подарить автору. А по возвращении в Москву отправили ему около двух десятков его книг, вышедших на различных языках народов СССР, и даже повесть «Старик и море», изданную для слепых.

Жизнерадостный и при этом немного застенчивый человек, Хемингуэй не любит официальную обстановку, церемонии, чествования и т. д. Никогда не делает того, что пошелало бы ему ежедневно в 6.00 утра «встать» за работу — до 12 дня.

А. И. Микоян спросил Хемингуэя, не предпологает ли он посетить Советский Союз, где он так популярен. Писатель ответил:

— Мне уже шестьдесят лет, и я не могу себе позволить откладывать осуществление своих планов. Сейчас я пишу новый роман. Рассчитываю, что он будет не хуже «Фишты». Пока его не закончу, вряд ли смогу превратить работу. Но потом я хочу обязательно побывать в вашей стране.

Между прочим, писатель выразил свое недовольство теми американскими журналистами, которые сообщили в прессе, что на вопрос, поедет ли он в СССР, Хемингуэй ответил отрицательно.

— Я, конечно, мог принять только за шутку вопрос — не поеду ли я туда вместе с президентом Эйзенхауэром, и ответил им соответственно шуткой. Но скажи мне Хемингуэю, скажи, что ты можешь объяснить со мной без переводчика. Писатель спросил, действительно ли я говорю по-английски.

— Немного, — ответил я. — Как и все мы, — тут же заметил он, притом это, как мне показалось, было сказано вполне серьезно.

У нас завязался разговор о произведениях писателя и, в частности, о романе «За рекой, в тени деревьев», который еще не переведен на русский язык.

В феврале 1960 года первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Анастас Иванович Микоян посетил Республику Кубу, куда он прибыл по приглашению кубинского правительства на открытие Выставки достижений Советского Союза в области науки, техники и культуры. В поездке на Кубу А. И. Микояна сопровождал его сын, журналист С. Микоян, путевые очерки которого полностью печатаются в 5-м номере журнала «Москва».

«Литературная газета» публикует отрывок из очерков С. Микояна, где описывается посещение А. И. Микояном писателя Эрнеста Хемингуэя, живущего в двенадцати километрах от Гаваны в поселке Сан-Франциско де Паула, и отрывок из романа Хемингуэя «За рекой, в тени деревьев».

Роман «За рекой, в тени деревьев» в переводе Е. Гольцовой и Б. Изанкова полностью публикуется в журнале «Москва», начиная с 7-го номера.

«Хемингуэй и революция», высоко оценивая творчество писателя. Хемингуэй, конечно, не революционер. Но он — большой художник, реалист и в то же время романтик. В умении блестяще сочетать волнующую романтику (без которой не бывает революций) с настоящим реализмом (который должен объяснить, почему происходят революции) и заключается, по-видимому, его индивидуальность как писателя. Познакомившись с ним, невольно обнаруживаешь, что литературного «я» этого современного классика вполне отвечает облику самого Хемингуэя — искреннего, душевного, справедливого человека с седой бородой, но с юно-

шеской способностью увлекаться и радоваться жизни, даже если жизнь редует очень немногим. Он с полным правом мог бы сказать о себе: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо».

К общественным явлениям он пододвигать, быть может, с несколько нечетким, но, я бы сказал, безупречным для неревolucionера подлинным гуманизмом всегда оказывается на стороне революции. «Мы хотим поквитаться со всеми прежними политическими руководителями, с американским империализмом, который нас душит, с тиранией воевников. Мы хотим начать все сначала и дать каждому человеку свой шанс в жизни. Мы хотим, чтобы два брата, то есть крестьяне, перестали быть рабами и чтобы крупные сахарные плантации были поделены между теми, кто работает на них». Это сказал не Фидель Кастро и не какой-либо другой руководитель новой Кубы. Эти слова принадлежат молодому кубинскому революционеру из романа «Иметь и не иметь», написанного четверть века назад.

Мы растались с Эрнестом и Мари Хемингуэй в надежде встретиться вновь — на этот раз в Москве.

Анастас Иванович Микоян в гостях у Эрнеста Хемингуэя. Фото Г. Боровика.

КОГДА Gran Maestro отошел, девушка сказала: — Он прекрасный человек. Я рада, что он тебя любит.

— Мы с ним друзья, — сказал полковник. — Надеюсь, у него найдется для тебя хороший бифштекс.

— Есть один отличный бифштекс. — сообщил возвратившийся Гран Маэстро. — Возьми его, дочка. Меня все время кормят бифштексами в офицерской столовой. Хочешь с кровью?

— Да, пожалуйста, — крикнул полковник. — Как говорит Джон, объясняясь с официантом по-французски, crud0, bleu0, а проще говоря — с кровью.

— Значит, с кровью, — повторил Гран Маэстро. — А вам, полковник? — Эскалон в сладком вине соусе и цветную капусту в масле. Если найдется, дайте еще артишок с уксусом. Тебе что к мясу, дочка? — Картофельное пюре и салат.

— Не забывай, что ты еще растешь. — Да, но я не хочу расти слишком сильно или не там, где надо. — Тогда все, — сказал полковник. — Как насчет Пласко? Валлопичилье? — Мы не держим вина в Пласко. У нас ведь переклассная гостиница. Вино мы получаем в бутылках.

— Совсем забыл, — сказал полковник. — А помните, оно стоило тридцать центов за литр?

— А помните, как на станциях мы пили из эшелонов пустыми бутылками в жандармов? — А возвращаясь с Граппы, побросать под гору оставшиеся гранаты? — И те, кто видел взрывы, решили, что австрийцы прорвали фронт, и как вы перестали браться, а вы носили Платме пере? на серых тулупах, а вино — серый свитер?

— И как я напивался до того, что даже вкуса вина не различал? Ну и беловые же мы были ребята, — сказал полковник. — Еще какие беловые, — сказал Гран Маэстро. — Просто головорезы, а вы были из нас — самый отпетый!

— Да, — сказал полковник. — Это верно, но мы были головорезы. Ты уж нас прости, дочка, ладно? — А у тебя не осталось фотографий тех лет? — Нет. Мы тогда не снимались, кроме того раза, с господином Д'Аннуцио. К тому же большинство из нас плохо кончили.

— Кроме нас двоих, — сказал Гран Маэстро. — Ладно, пойду посмотрю за бифштексом. Полковник задумался, — теперь он снова был младшим лейтенантом и ехал на грузовике, весь в пыли, на лице его были видны только стальные глаза, — веки были красные, воспаленные.

Три ключевые позиции, вспоминал он. Массив Граппы с Ассалоне и Пертики и высотой справа, названная которой не помню. Вот где я повзрослел, каждую ночь просыпаясь на холодном полу, — мне все снилось, будто я не смогу заставить своих солдат вылезти из машин. И зря они вылезли, как потом оказалось. Ну и ремесло!

— В нашей армии, — сказал он девушке, — ни один генерал, в сущности, никогда не воевал. Для них это занятие неприятное, поэтому наверху у нас не любят тех, кто воевал. — А генералы вообще воюют? — Ну да, пока они еще капитаны или лейтенанты. Потом это выглядело бы просто глупо. Разве что отступая, тогда волей-неволей приходится драться.

Отрывок из двенадцатой главы. Действие романа происходит в Венеции. Герой романа — полковник Ричард Кантуэлл уминает в ресторане гостиницы «Гритти» со своей любимой Ренатой, юной венецианской артисткой, которую он зовет «дочкой». Воспоминания о войне, характерные для военных действий, которые Хемингуэй вкладывает в уста полковника Ричарда Кантуэлла, служат одним из средств создания образа центрального героя книги. Эти характеристики, разумеется, в определенной мере субъективны, являются личной судьбой полковника. В годы первой мировой войны метатель ротором Кантуэлл служил вместе с лейтенантом Кантуэллом в итальянской армии. Во время второй мировой войны Кантуэлл занимал генеральскую должность в американской армии. Метатель ротором Гран Маэстро или прославился шуточное звание, учрежденного Кантуэллом.

— Не сомневаюсь. Он описывает все подряд. — Мы должны попасть в какую-нибудь книгу, — сказал полковник. — Ты, дочка, не возражаешь? — Конечно, нет, — сказала девушка. — Но лучше бы ее написал Данте. — Что-то давно его не видно, этого Данте, — сказал полковник. — Рассказки мне что-нибудь о войне, — попросила девушка. — Из того, что мне можно знать. — Пожалуйста. Все, что хочешь. — Что за человек генерал Эйзенхауэр? — Само благодарие. Хотя я к нему, видно, несправедлив. Да он и не всегда сам себе хозяин. Отличный политик. Политический генерал. Это он умеет. — А другие ваши полководцы? — Лучше о них не говорить. Они достаточно говорят о себе сами в своих мемуарах. Почти все они и в самом деле свихивают на полководцев и вышли из Ротам-Клуба, о котором ты и не слыхала. Члены этого клуба носят эмблему — белый жетон со своим именем; там штрафуют, если назовешь кого-нибудь по фамилии. Воевать им — правда, не приходилось. Никакого. — Неужели среди них нет хороших военных? — Нет, почему же. Школьный учитель Брэдли, да и многие другие. Вот хотя бы Моллиносный Джо. Это парень хороший. Очень хороший. — А кем он был? — Командующим седьмым корпусом, куда входила моя часть. Умен, как бес. Быстро принимает решения. Точен. Теперь он начальник штаба. — Ну, а великие полководцы, о которых мы столько слышим, вроде генералов Монтомери и Паттона? — Забудь их, дочка. Монти — это такой тип, которому нужен пятнадцатикратный перевес над противником, да и тогда он никак не решается выступить. — А всегда считала его великим полководцем! — Никогда он им не был, — сказал полковник. — И у него время, что он это знает сам. Как-то при нем он приехал в гостиницу, снял военный мундир и напялил юбочку, чтобы подышать дух населения. — Ты его не любишь? — Почему? Просто он типичный английский генерал, отсюда все его качества. Так что ты насчет великих полководцев помалкивай. — Но он ведь разбил генерала Роммеля. — А ты думаешь, там, кроме него, против Роммеля никого не было? Да и кто не победит, имея пятнадцатикратный перевес? Когда мы воевали тут мальчишками, Гран Маэстро и я мы победили целый год, побеждали в каждом бою, при перевесе в три или четыре к одному. Выдержали три тяжелых сражения. Вот почему мы не прочь подуть над собой и не пьем, как индианцы. В тот год мы потеряли больше ста сорочка тысяч убитыми. Вот почему мы умеем подучиваться бес всякого чванства. — Какая страшная наука, если только это вообще наука, — сказала девушка. — Терпеть не могу военные памятки, при всем моем почтении к погибшим. — Да я их и сам не люблю. Как и дела, во славу которых их воздвигали. Ты когда-нибудь над этим думала? — Нет. Но я хотела бы об этом знать. — Лучше не знать, — сказал полковник. — Ешь бифштекс, пока он не остыл, и прости, что я заговорил о своем ремесле. — Я его ненавижу. И люблю. — Видно, мы смотрим на вещи одинаково, — сказал полковник. — Но о чем сейчас размышляет там, через два столба от нас, мой рабочий земляк? — О своей новой книге или о том, что написано в Бедкере. — Не поехать ли нам после ужина поката́ться на ветру в гондоле? — Это было бы чудесно. — Скажем роботу, куда мы едем, а? Мне почему-то кажется, что у него дышло, не только лицо, но и сердце, и душа, а может, и интерес к жизни дырявый. — Ничего мы ему не скажем, — возразила девушка. — Гран Маэстро передаст ему все, что мы сочтем нужным.

ЖИЗНЬЮ ХРАБРЫХ

МИНУВШИЙ год был «урожайным» на военную прозу. Припоминая одно выражение Белинского, можно сказать, что для тех читателей, которые любят и ценят военную прозу, прошедший год в литературном отношении «в сорочке полз». Роман Симонова, роман Березко, повести Бондарева и Булатова, воспоминания ветеранов войны — Маршалов Еремеев и Чуйкова, генерала Полея — таков далеко не полный перечень военных произведений 1959 года, возбуждавших живой интерес, а подчас и острую полемику. Недавно к списку военных книг прибавилась еще одна. Я имею в виду «Армейскую юность» Константина Ваншенкина, опубликованную в февральском номере журнала «Новый мир». Сам автор назвал свое повествование «Короткими заметками». Но отрывочность не умаляет их ценности. Давно известно, что самые короткие заметки стоят пространств описаний. А заметки Ваншенкина не просто разрозненные, пожелтевшие листки из старой записной книжки, без разбора вывалившиеся на страницы рукописи. Пользуясьвольной формой заметки, автор не слишком строго придерживаясь последовательности рассказа. Описания какого-то события, грустного или смешного, тут перемежаются с воспоминаниями о друзьях-товарищах, с подробностями фронтového быта. А порой, как в живой и непринужденной беседе, это ответ на чей-то вопрос, реплика.

Но у «Коротких заметок» Ваншенкина есть своя особенность — это своего рода биография целого поколения. Собственно военных эпизодов в его заметках совсем немного. Характеры целые, живые, мужественные вырисовываются из описания отношений между людьми в обстановке суровых армейских будней, где столько было неожиданного тепла, так высоко было развита чувство товарищеской солидарности, чувство долга. И те юноши, что погибли на фронте раньше, чем успели совершить

подвиг, о которых мечтали, к которым готовились, по праву остались в памяти близких и друзей, как павшие смертью храбрых. Они падали смертью храбрых, потому что жили жизнью храбрых.

До сих пор читатели знали Ваншенкина, как поэта по преимуществу. Года два назад он выступил в новом для себя жанре — с литературно-критическими заметками «Переплетная Твардовского». Я думаю, не ошибусь, если скажу, что своими заметками он зарекомендовал себя как наблюдательный и тонкий знателем стихов, сумевший облеять свои наблюдения в эмоциональную, афористическую форму. Эти качества хорошей прозы сохранились и в новой его вещи, где внимание к подробности соединяется с заботой о краткости и точности выражения.

Обращение к прошлому всегда, конечно, воспоминание. Но это такое и напоминание. Юные школьники, которые в вагоне метро на глазах у автора «Армейской юности» спорили, действительно ли Отечественная война началась в 1941 году, будут знать об этой войне только по книгам и рассказам. Для них это — история. Они не помнят войны. Они родились уже после того, как она кончилась. Но через несколько лет, выбирая свое место в жизни, пусть они идут туда, где будут нужнее всего. Так поступили прежние молодые поколения. К этому призывает и теория «Армейской юности».

Б. ГАЛАНОВ

ЗЕМЛЯ

Григорий ПОЖЕНИН
Когда победу праздновало небо,
цветастым ракетами пыла,
прикрыв могилы шапкой ковыля,
впервые потнувшая от хлеба,
еще рубцы на скатах оголя,
уже от солнца шурлилась земля.
Черна от пепла и красна от макав,
зелена от нетерпелив трав,
лугами росными своих сынов оплакав,
она лепкала, жизнью смерть поправ,
от северо-сибирских переправ
до самых новых пограничных знаков.
Земля помолодевшая густела,
доблела, нагнетая кровь корней,
и людям, належащим на ней,
казалось, что она впервые спити грела.

как будто раньше на дескатах дней
до срока размягать солдатам тело
она, еще тревожная, не смела.
В те дни бойцам, покоившимся с войной,
своя земля была двойной родной,
Раскинувшая травы для уставших,
земля была дорогою домой,
дорогой не от дома, а домой.
Приют — живым и вечною для павших.
Нам память у чужих не занимать.
Не нас учить, как обнимают мать.
Мы надыхались властью гостеприимам,
мы наступались вдоволь костылями.
Так как же нам теперь не понимать
земную радость востокв над полями.

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

„Расскажи мне что-нибудь о войне..“

— А тебе много пришлось воевать? Я знаю, что много. Но ты рассказывай. — Достаточно, чтобы наши мудрецы причислили меня к породе дураков. — Рассказки. — Когда я был мальчишкой, я дрался против Эрвина Роммеля* на полути между Кортиной и Граппой, которую мы тогда удерживали. Он был еще капитаном, а я исполнял обязанности капитана, хотя и числился всего младшим лейтенантом. — Ты его знал? — Нет. Я познакомился с ним только после войны, тогда нам можно было поговорить. Он оказался человеком приятным, мне он понравился. Мы вместе ходили на лыжах. — А ты много знал немцев, которые тебе нравились? — Очень много. Больше всех мне нравился Эрст Удет. — Но ведь они так подло поступали! — Конечно. А разве мы всегда поступали благородно? — Я не могу относиться к ним так терпимо, как ты, — ведь ты они убили моего отца и сожгли нашу школу на Бретте; мне они никогда не нравились. Особенно с того дня, как немецкий офицер у меня на глазах стрелял из дробовика по голубям на площади Святого Марка. — Я тебя понимаю, — сказал полковник. — Но, пожалуйста, дочка, пожди и ты меня. Когда убьешь так много врагов, можно позволить себе быть снисходительнее. — А сколько ты убил? — Сто двадцать два верных. Не считая сомнительных. — И совесть тебя не мучит? — Никогда. — И дурные сны не снятся? — Нет, дурные не снятся. Странные снятся все время. После боя я всегда дерусь во сне. Чаше всего вижу какую-нибудь местность. Ведь для нашего брата главное — какой попадет рельеф. Вот об этом и думаешь во сне. — А меня ты никогда не видишь во сне? — Стараюсь. Но не могу! — Надеюсь, портрет тебе поможет. — Будем надеяться, — сказал полковник. — Напомни мне, чтобы я дернул тебе казани. — Ты нарочно хочешь меня оторвать? — У меня есть свои скромные правила чести, и они мне так же дороги, как нам об этом наша любовь. И одно не может существовать без другого. — Но ты бы мог мне иногда уступать. — А я тебе и уступаю, — сказал полковник. — Ведь ками пока у меня в кармане. — К ним подошел Гран Маэстро, сопровождавший бифштекс, эскалон и овоци. Их нес парнишка с гладко прилизанными волосами, он плевал на всех и на все, но из козлих лез вон, чтобы стать хорошим младшим офицером. Его уже принимали в члены ордена. Гран Маэстро ловко разложил еду с уважением и к ней самой, и к тем, кто ее будет есть. — На здоровье, — сказал он. — Открой-ка эту бутылку валлопичилье, — обратился он к парнишке, который потягивал из них глазами недозволенное спираль. — А за что ты вылезл на этого типа? — спросил полковник, кивая на своего рыбого земляка, который шумно жевал; его пожилая спутница ела с уважением и к ней самой, и к тем, кто ее будет есть. — Ну да, пока они еще капитаны или лейтенанты. Потом это выглядело бы просто глупо. Разве что отступая, тогда волей-неволей приходится драться.

